

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

У непобедимого воина
Тамерлана была
особая жемчужина,
приносившая ему
удачу во всех
битвах...

Ольга БАСКОВА

**Жемчужина
Тамерлана**

Ольга Баскова
Жемчужина Тамерлана
Серия «Артефакт & Детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65803286

Жемчужина Тамерлана: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-156061-4

Аннотация

У древнего могучего воина Тамерлана был свой секрет. Он завоевал многие земли и народы благодаря необычной жемчужине, которая помогала ему в бою. Но судьба драгоценности оказалась намного длиннее жизни воина. В наши дни у обыкновенной пенсионерки из приморского городка украли сокровище, а затем убили ее, прикрепив к груди бубновый туз...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	49
Глава 11	57
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	73
Глава 15	83
Глава 16	86
Глава 17	91
Глава 18	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ольга Баскова

Жемчужина Тамерлана

© Баскова О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Март, 1941 г., Москва

Иосиф Виссарионович Сталин, ссутулившись, сидел в своем кремлевском кабинете – огромной комнате с большим столом, накрытым синим сукном, он поглядывал на стены, обитые дубовыми панелями, и пил из стакана с подстаканником крепкий янтарный чай. Перед ним лежали бумаги, присланные из отдела социалистической культуры при ЦК ВКП(б). Несколько минут назад он уже ознакомился с подробным докладом. В нем содержалась просьба Народного комиссариата по культуре разрешить ведущим сотрудникам Академии наук провести научную экспедицию в Самарканд. Целью этой экспедиции были раскопки предполагаемого захоронения Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир.

Иосиф Виссарионович подумал, что никогда не смог бы отказать в такой просьбе. Кто угодно, только не он.

Вождь всех времен и народов кривил душой. В тысяча девятьсот двадцать девятом году к нему уже обращались по поводу вскрытия могилы.

Некий археолог Михаил Массон подал прошение в Совет народных комиссаров Узбекистана. К прошению прилага-

лись исследования инженера Мауэра, утверждавшего, что еще в двадцать пятом году магнитные наблюдения над могилой Тамерлана подтвердили наличие в ней большого парамагнитного стального тела и других металлических предметов.

Массон упоминал о таинственном свечении, порой возникшем над гробницей, и о странных звуках, доносившихся из мавзолея. Однако его прошение тогда не удовлетворили. Совет народных комиссаров Узбекистана просто посмеялся над документом.

Разумеется, обо всем было доложено ему, Сталину, и тогда он не настоял на раскопках. А ведь можно было бы вызвать этого Массона в Москву и поговорить.

Иосиф Виссарионович оправдывал свой поступок тем, что в конце двадцатых годов было не до Тамерлана. Если бы на годик-два позже – он бы удовлетворил прошение.

Личность Тамерлана всегда привлекала его, и он понимал почему. Вождь пролетариата знал, что многие из его окружения сравнивали его с Тимуром: оба хромали, и у обоих были похожими прозвища: Тамерлан – Железный хромец, а он – Сталин, сталь, тоже крепкий металл.

Сталин вспомнил, что заинтересовался великим полководцем, когда его стране понадобились герои. И тогда судьбы выдающихся людей различных эпох советские пропагандисты стали адаптировать к советской идеологии. Роман Алексея Толстого «Петр I» включили в школьную програм-

му как произведение социалистического реализма, а потом по нему сняли фильм.

Иосиф Виссарионович вознамерился изучить биографии великих людей – разве вождь пролетариата не должен знать о них все? Потом это здорово пригодилось.

В тысяча девятьсот тридцать первом году к печати подготовили серию книг «Жизнь замечательных людей», и только ему приходилось решать, кто из них, оставивших свой след в истории, наиболее замечателен.

Тамерлан сразу заинтересовал его. Он нашел, что они были чем-то похожи – о нет, не своей хромотой. Один – простой сын эмира Тарагая, очень дальний родственник Чингисхана, из-за этого не смевавший претендовать на ханский трон, другой – сын сапожника из Гори, недоучившийся семинарист. Оба мечтали создать великие государства со справедливыми законами. И разве у них это не получилось? И разве известное изречение Тамерлана: «Справедливость не в силе, а сила – в справедливости» – не подходит ему? Разве он не руководствовался во всем прежде всего справедливостью?

Подумав об этом, Сталин откинулся на спинку стула, и на его землистом, с оспинками, лице появилось нечто вроде улыбки.

Он обмакнул в чернильницу перьевую ручку и размашисто подписал разрешение на вскрытие гробницы Тамерлана.

Глава 1

Самарканд. Июнь, 1941 г.

Возле мавзолея Гур-Эмир, в котором находилась гробница Тамерлана, построенного Великим эмиром для старшего внука и представлявшего собой величественное здание с гигантским ребристым куполом, с утра было многолюдно. Видные ученые – историки и антропологи, вытирая обильный пот (на улице стояла жара), оживленно разговаривали, обсуждая архитектуру мавзолея:

– Говорят, этот купол изобрели еще во времена Тимура...

– Нет, у нас уже бытует версия, что он привез его из Дамаска...

Оператор Карим Маликов, именно ему оказали честь запечатлеть на пленку важное событие, сжимая в потной руке кинокамеру, подошел к профессору Александру Ивановичу Кириллову, высокому тучному мужчине с венчиком седых волос на лысине.

– Александр Иванович, можно вас на минутку?

Профессор, что-то обсуждавший с коллегой, таджикским историком Махмудовым, недовольно посмотрел на Карима.

– Ну, что такое?

– Мне нужно с вами поговорить. – Маликов был бледен, под глазами залегли черные полукружья. – Немедленно поговорить, понимаете?

Кириллов важно кивнул:

– Говори при моих друзьях, у меня нет от них секретов.

Махмудов, блестя влажными антрацитовыми глазами, с любопытством уставился на кинооператора.

– Что случилось?

Карим вздохнул, откинул назад прядь непослушных смольных волос и заговорил:

– Я вчера зашел в чайхану... Там уже сидел какой-то старец в белой чалме... Он будто ждал меня, понимаете?

Ученые переглянулись. Александр Иванович хмыкнул:

– И что? Он произвел на тебя впечатление?

Карим нахмурился:

– Думаю, на вас он тоже произвел бы впечатление. Этот старик знал, кто я и зачем приехал в Самарканд.

Махмудов рассмеялся:

– И только? Да пол-Самарканда знает, что в город приехали ученые, чтобы вскрыть гробницу Тамерлана.

Маликов замотал головой, и черная прядь опять упала на смуглый лоб.

– Он знал, как меня зовут. Знал, что я кинооператор...

– Мальчик мой, – недовольно проговорил Кириллов, – прекрати задерживать нас всякой ерундой. Разве ты не обра-

щал внимания, сколько народу толкается у гостиницы, где мы остановились? Твой старец мог увидеть тебя и поинтересоваться, кто ты. Ему, разумеется, ответили, потому что никто не делал из этого тайну.

Карим помрачнел:

– Хорошо, но это не все. Он сказал мне, что мы не должны вскрывать гробницу Тамерлана, потому что она проклята. Существует предание: если кто-нибудь когда-нибудь осмелится это сделать, разразится кровопролитная война. – Он закрыл глаза и процитировал: – «Кто вскроет могилу Тамерлана, выпустит на волю духа войны, и начнется война такая кровавая и страшная, какой мир не видал во веки вечные».

Коллеги снова переглянулись и рассмеялись.

– Ты вроде неглупый человек, – буркнул Александр Иванович и промокнул лысину несвежим платком. – Неглупый и немолодой, а несешь околесицу. Да, нам известно: в древности люди верили, что с мертвыми шутки плохи. Но мы живем в такие времена, когда правит бал наука.

– Расслабься, дорогой, и забудь о своем старце, – подхватил и Махмудов. – Коллега, мне кажется, пора приступать.

Кириллов наклонил голову, и оба прошествовали к группе молодых ученых, державших в руках разные инструменты для вскрытия могилы. Группа миновала знаменитое нефритово-черное надгробие Тамерлана и направилась в подвал, где и находились все захоронения.

Профессор поймал любопытный взгляд хорошенькой черноглазой девушки-узбечки, судя по всему, студентки, смотревшей на него с восхищением.

Подмигнув студентке, Александр Иванович распорядился начинать и позвал Маликова. Кинооператор настроил кинокамеру и приготовился снимать.

Могила Тимура находилась в центре подвального помещения мавзолея; ее надгробье представляло собой очень массивную, грубо отесанную плиту серого известняка, поверх которой на ганчевом растворе была прикреплена другая, тонкая плита из оникса, покрытая тончайшим резным узором посвящительной надписи. Погребальная камера, сложенная из массивных известняковых блоков, хорошо пригнанных между собой, прямоугольная, три метра шириной и метр глубиной, как оказалось после вскрытия, вмещала в себя деревянный гроб, формой ничем не отличавшийся от современных.

Когда студенты, в том числе и черноглазая красавица, хорошо расчистили могильную плиту, надписи на ней удалось разобрать.

– На древнеарабском, – прищурившись, заметил Махмудов и перевел: – «Все мы смертны. Придет время, и мы уйдем. До нас были великие и будут после нас. Если же кто возгордится и вознесется над другими и потревожит прах предков, пусть постигнет его самая страшная кара».

Карим дрогнул. Камера, стрекотавшая, как кузнечик,

чуть не выпала из разом ослабевших рук.

– Вот видите! – вскрикнул он с надрывом, и профессор назидательно ответил:

– Разве ты не слышал, что такие надписи – обычное дело для древних могил? В те времена люди считали, что надписи подобного рода являются магической печатью, защищающей прах от надругательства? Но мы атеисты и не верим в подобную чертовщину. – Он подмигнул студентам, и те принялись работать дальше.

Они довольно быстро вскрыли крышку гроба, обнаружив костяк, лежащий на спине, с вытянутыми, сведенными в кистях, руками и вытянутыми ногами. Голова некогда могучего воина покоилась на правой щеке.

– Обратите внимание, – вмешался Махмудов, который, затаив дыхание, следил за работой молодых ученых, – его голова была повернута в сторону Мекки.

Ловкие руки историков и антропологов бережно очищали кости и вытаскивали из гроба. Маликов стрекотал камерой, чувствуя, как по лицу стекает пот, но не от жары, а от предчувствия какой-то беды.

Когда желтоватые кости покинули саркофаг, Карим явно услышал голоса, доносившиеся будто с неба: «Русси, дойчланд, русси, дойчланд». Голоса лезли в уши, будто иголками вонзались в мозг.

Кинооператор закрыл глаза и прерывисто задыхался. Кружилась голова. Ему показалось: еще немного – и он упадет

в обморок.

Преодолев приступ тошноты, Карим взял себя в руки и сосредоточился на вскрытой могиле. Ученые уже складывали кости в специальные ящики, студенты копошились на дне саркофага.

Шатаясь, Маликов подошел к Александру Ивановичу, тихо переговаривавшемуся с известным антропологом.

– Значит, вы уверены, что сможете восстановить внешность Тимура? – спрашивал он.

Антрополог улыбался и поглаживал седую бородку:

– Вам известно, что я постоянно этим занимаюсь. Череп отлично сохранился.

– Простите, – Карим тронул Кириллова за локоть. – Я чувствую, что произойдет что-то страшное, если мы не возвратим все в могилу. Прах Тамерлана нельзя было трогать.

Александр Иванович покачал головой:

– Мы ничего не будем возвращать, и это даже не обсуждается. Вы закончили съемку?

– Да, но... – Маликов поднял руку, словно призывая к благоразумию, но профессор лишь коротко бросил:

– Отлично. Кажется, мы закончили.

Он позвал Мамудова, и они направились к выходу.

Карим беспомощно проводил их глазами. Он понял, что все его усилия предотвратить катастрофу оказались напрасными.

Красивая черноглазая студентка Фатима сидела в Историческом музее и кропотливо перебирала землю, извлеченную из могилы Тамерлана. К заданию профессора она всегда относилась очень внимательно и сейчас, смахивая капли пота с гладкого чистого лба, перетирала в длинных изящных пальцах маленькие комочки. Ее однокурсник Али возился в картолке, изредка поглядывая на девушку. Он давно и безнадежно был влюблен в красавицу Фатиму, но она этого не замечала. Несчастный юноша много раз пытался заговорить с ней, пригласить в кино, однако Фатима прерывала его попытки. Его успокаивало одно: девушка, по разговорам ее подруг, никому из молодых людей не отдавала предпочтения. Она мечтала окончить университет и сделаться известным ученым-археологом. По мнению Али, зарыть в научных статьях и бумагах такую красоту с ее стороны было преступлением.

Просмотрев еще несколько карточек, юноша вновь обратил свои взоры на даму сердца и заметил, что из комочка земли выпало что-то матово-блестящее, и Фатима подхватила это и спрятала в карман белой блузки.

Неужели присвоила какую-то ценность? Парень не мог молчать.

Он отодвинул ящик с картолкой и подошел к девушке. Она посмотрела на него своими раскосыми черными глазами, в которых не было и тени испуга.

– Ты что-то хочешь, Али?

Парень смутился, покраснел как рак и, заикаясь, выдал:
вил:

– Я видел... Вернее, мне показалось... Ты что-то нашла в земле?

Фатима не изменилась в лице, не растерялась. Она спокойно придвинула к нему газету, на которой потрошила землю, и проговорила:

– С чего ты взял? Впрочем, сам взгляни. Тут ничего нет.

И все-таки какие-то необычные нотки в ее голосе заставили парня усомниться в искренности девушки.

– Но я видел... Ты что-то спрятала в кармане. Можно посмотреть?

Она медленно встала и, подойдя к нему, обдала горячим дыханием. Али потерял дар речи. Ее глаза находились совсем близко от него, руки обвили шею.

– Там ничего нет, – прошептала она, и его прошибла крупная дрожь и желание обладать красавицей. – Впрочем, если ты настаиваешь, я могу кое-что показать. – Ее пальчики проворно стали расстегивать пуговицы на блузке. – Но на это лучше посмотреть не здесь и не сейчас. – Она припала жадным ртом к его трепещущим губам.

Али забыл обо всем на свете: прикосновение губ прекрасной Фатимы могло свести с ума кого угодно.

Глава 2

Самарканд, 1941 г.

Зульфия, пожилая невысокая женщина со смуглым некрасивым лицом и узкими черными глазами, отдернула занавеску и заглянула в маленькую, чисто убранную комнату. Ее младший сын Али и его девушка Фатима, о которой она ничего не знала до вчерашнего дня, крепко обнявшись, спали на кровати.

Воспитанная в строгих мусульманских традициях, женщина не одобряла свободных отношений, но не собиралась читать Али нотации. Она заранее знала, что он ей скажет. И вообще Зульфия предпочитала не вмешиваться в личную жизнь своих детей, чтобы не быть виноватой. Жизненный опыт показывал: она поступала правильно. Два старших сына уже имели свои семьи, жили с женами душа в душу и подарили ей внуков. Сердце болело за младшего, более нежного и увлекающегося, чем его братья.

Интересно, что это за девушка? Он ничего о ней не рассказывал.

Зульфия покосилась на занавеску, прикрывавшую вход в опочивальню молодых, махнула рукой и прошла во двор, к

примусу, автоматически включив радио, которое младший сын сам собрал и установил в доме.

Звонкий суровый голос диктора, раздавшийся из радиоприемника, на мгновение оглушил ее, заставил остановиться. Она еще не знала, о чем он говорил, но инстинктивно почувствовала беду.

Женщина прислушалась, жадно ловя каждое слово.

– Сегодня, двадцать второго июня, в четыре часа утра, без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами.

Зульфия медленно стянула цветастый платок с седой головы и опустилась на некрашеную лавку.

Речь диктора будто доносилась из другого мира, а в этом, с большим виноградником возле белого домика, с запахом цветов, которые она так любила, все было мирно и спокойно.

«Этого не может быть», – тихо произнесла женщина, словно отгоняя от себя наваждение.

Голос соседки Марии вернул ее к реальности, бесцеремонно разрушил надежды, что все это ей послышалось, что все это неправда.

– Зульфия, ты уже знаешь? Война...

Она замотала головой на тонкой жилистой шее.

– Ой, у меня двое сыночков, – заголосила Мария. – Заберут их, как пить дать заберут. И твоих тоже.

Зульфия сжала кулаки, закусила губу. Она подумала о младшем, который еще не успел жениться и родить детей. Если заберут всех, заберут и его. А это несправедливо. Она не даст, не пустит.

Из груди вырвался тяжелый стон, и какая-то сила сорвала ее с места, бросила к дому.

«Не пущу, – птицей билась мысль. – Не пущу».

На пороге женщины столкнулись с Али, всклокоченным, с синими полукружьями под глазами. Он улыбнулся, но, увидев взволнованное лицо матери, посерьезнел:

– Мама, что случилось?

Сцепив до хруста пальцы, бедная женщина заголосила:

– Беда, сынок. Война...

Али заморгал:

– Какая война? Что ты такое говоришь?

– Война, с немцами, – продолжала выть Зульфия и вдруг бросилась ему на шею: – Не пущу, не дам...

Парень еле оторвал ее от себя:

– Значит, это правда..

Зульфия заголосила еще громче. На шум выбежала Фатима, торопливо застегивая пуговицы на цветастом халатике.

– Что случилось? – Она обвела всех удивленным взглядом. – Почему вы плачете?

– Война, дочка, – выдохнула Зульфия, теребя верхнюю перламутровую пуговицу на халате. – Война с немцами.

Девушка посмотрела на Али, словно хотела, чтобы возлюбленный развеял ее страхи. Но в глазах любимого читалась тревога, сквозь смуглоту щек проступила смертельная бледность.

– Это правда, – он как-то обреченно кивнул. – Это правда, Фатима.

Студентка нахмурилась.

– Значит, вчера этот кинооператор говорил правду, – она в волнении дергала себя за тонкую черную косичку. – Мы не должны были вскрывать могилу Тамерлана. Его проклятие живет до сих пор.

Парень махнул рукой:

– Теперь уже поздно об этом говорить...

Фатима приложила ладонь к груди, словно хотела успокоить бьющееся сердце.

– Если все вернуть в мавзолей, война может прекратиться, – тихо сказала она.

Али усмехнулся:

– Ты веришь, что ученые согласятся это сделать? Да кто им прикажет? Я? Ты? У них распоряжение самого Сталина.

Она дернула головой:

– Точно, точно... Но давай побегим к ним в гостиницу. Я понимаю, нас никто не станет слушать. Но нельзя же

вообще ничего не делать. Мы должны хотя бы попробовать, чтобы потом не корить себя за бездействие.

Али кивнул:

– Да, ты права. Одевайся.

Молодые торопливо прошли в комнату, оставив Зульфию в полной растерянности. Она не понимала, о чем говорили студенты, но вдруг, неожиданно для себя, поверила в чудо.

Али и Фатима рассуждали о каком-то проклятии. Зульфия иногда боялась признаться самой себе, что верила в проклятия и заговоры. Если война началась из-за этого, все можно было вернуть назад.

Когда молодые покинули ее дом, она пожелала им удачи.

Парень и девушка торопились изо всех сил, надеясь застать ученых и поговорить с ними. Но им не повезло.

В гостинице сообщили, что научная экспедиция с останками Тамерлана уже выехала в Москву.

Али вскоре отправили на фронт, и он забыл и о Тамерлане, и о сокровище, найденном Фатимой.

Немцы стремительно наступали на Москву.

Глава 3

1941 год. Деревня Власиха

Георгий Константинович Жуков, недавно назначенный командующим Западным фронтом, несколько недель назад приехал в деревню Власиха и развернул штаб фронта.

Так получилось, что этот штаб, представлявший собой комплекс больших зданий, находился рядом с Москвой. Иногда артиллерийская канонада сотрясала стены, но это не мешало генералу думать, как не допустить врага к Москве.

Глядя в окно на осенние коричневые лужи и разбитую дорогу, Георгий Константинович размышлял, что и этот крохотный уголок его страны тесно связан с историей.

Рядом с Власихой находилось село Перхуиково, о котором многие слышали. Когда-то в Перхуиково, в двухэтажном господском доме, ночевал Наполеон, готовившийся к Бородинскому сражению. Через это село ездил в имение бабушки юный Александр Пушкин. Разумеется, здесь бывал и Лев Николаевич Толстой, собиравший материал для своего знаменитого романа.

Да, несомненно, каждый клочок земли его, Жукова, необъятной Родины, дышит историей. И ни в коем случае

нельзя допустить, чтобы немецкие солдаты топтали эту землю своими коваными сапогами.

Генерал побагровел, представив эту картину, его серые, с голубизной глаза омрачились, приятное лицо с правильными чертами посуровело, и он придвинул к себе стакан с водой.

Внезапно в дверь постучали, и перед ним возник его адъютант, подполковник Семочкин, отчеканивший хорошо поставленным голосом:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться... К вам просится один боец. Он хочет сообщить вам нечто важное. – И уже более спокойно добавил: – Вы его примете?

– Что за боец? – коротко бросил Жуков.

– Некто Карим Маликов, кинооператор, – пояснил адъютант.

– И вы не знаете, о чем он хочет поговорить? – поинтересовался генерал.

Семочкин покачал головой. На его красивом лице отразилось недоумение.

– Он сказал, его сообщение может изменить ход войны.

Георгий Константинович постучал карандашом по столу:

– Хорошо, пригласите.

Через две минуты в его кабинет вошел смуглый черноволосый мужчина. В его черных миндалевидных глазах затаились тревога и страх, и генерал, оглядев посетителя, почему-то вспомнил о Чингисхане.

Кинооператор приложил ладонь к пилотке и отчеканил с небольшим акцентом:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться.

Жуков указал на стул:

– Садитесь. Чай будете?

Маликов кивнул неожиданно для себя:

– Не откажусь.

Генерал выглянул за дверь и попросил адъютанта сделать два чая покрепче.

– А теперь расскажите, что вас привело ко мне, – Георгий Константинович отложил карандаш и придвинул к себе листок бумаги. – Мне сказали, у вас очень важное сообщение.

Карим попытался улыбнуться, но пересохшие от волнения губы не слушались.

– Да. – Он приложил руку к груди. – Я понимаю, в это трудно поверить, но факты говорят сами за себя. – Маликов рассказал про чайхану, старца в белой чалме и свое видение.

Жуков слушал очень внимательно, не сводя с посетителя своих пронзительных голубых глаз.

– Значит, вы уверены, что проклятие Тамерлана действует? – спросил он, когда кинооператор закончил.

Маликов побледнел:

– Да, я уверен. Иначе как объяснить все, что произошло после вскрытия могилы?

Георгий Константинович подошел к окну. На размокшей

земле матово поблескивали антрацитовые лужицы. Печальный березовый листок, слетевший с ветки, одиноко покружился в воздухе и плавно опустился на размякшую глину.

– И что же вы хотите? – уточнил генерал, повернувшись к собеседнику, смотревшему на него с надеждой.

– Я так понимаю, что все отменить может только товарищ Сталин, – при упоминании фамилии вождя всех времен и народов Карим побледнел. – Если вы сочтете нужным сообщить ему...

Жуков опустил голову и задумался.

Разговор с кинооператором произвел на него впечатление, о котором он боялся признаться. С одной стороны, все выглядело довольно фантастическим. О таком пишут в восточных сказках, но не воспринимают всерьез. С другой стороны, Маликов был прав. Раскопки могилы повлекли за собой череду неприятных и необъяснимых с точки зрения науки событий. Но стоит ли сообщать о них Сталину? Как воспримет Иосиф Виссарионович такую странную просьбу о возвращении останков Тамерлана в Самарканд? Не посмеется ли, не захочет ли наказать его?

Семочкин принес два стакана темно-янтарного чая, и Георгий Константинович улыбнулся Кариму:

– Угощайтесь.

Кинооператор опасливо придвинул к себе стакан и начал пить маленькими глотками. Он подумал о том, что давно не пил настоящего чая. Этот напиток показался ему божье-

ственным, хотя на его родине чай заваривали по-другому, и он получался безумно ароматным и вкусным.

А Георгий Константинович размышлял о том, как донести до Иосифа Виссарионовича все, что он сегодня услышал. Он понимал, что, несмотря на абсурдность просьбы, не сможет отказать кинооператору и умолчать об этом. Сталин должен знать, что случилось в Самарканде. Если он сочтет нужным ничего не предпринимать – что ж, это его выбор. Но что-то подсказывало генералу, что вождь не станет смеяться. Не станет, потому что считает Тамерлана уникальной личностью.

А ведь он и правда был уникальным полководцем. Георгий Константинович подумал, что не знает о жизни Тимура почти ничего – так, общие факты. Вот закончится война – а она обязательно закончится, – и тогда он займется самообразованием, прочитает о Железном хромце. Наверное, у него была очень интересная биография.

Глава 4

Кеш. 1336 г.

Эмир Тарагай мчался по пыльной серой дороге, подгоняя своего гнедого. Он хотел вернуться в Кеш засветло. Мысль о том, что любимая жена, возможно, сегодня подарит ему сына, грела душу, и всадник прижимался к угольной гриве своего скакуна и шептал ласковые слова, будто скакун мог услышать своего хозяина.

Тарагай подумал, что в роду Чингисидов (все-таки Чингисхан их родственник, пусть и очень дальний) сегодня прибавится: родится еще один воин.

Он был уверен: будет мальчик. Об этом говорил и местный колдун, прижимая к узкой костлявой груди жилистую коричневую руку.

«У ребенка должно быть звучное имя», – решил Тарагай, с нетерпением взглядываясь в даль и думая о том, что сегодня утром его поразило необычно красный, кровавый закат.

Селения Кеш, укрывшегося среди высоких гор, еще не было видно. Всадник миновал небольшую зеленую долину, въехал в алычовую рощу с едва раскрывшимися почками, мирно раскинувшуюся возле ручья с хрустальной водой, и издал

радостный возглас, наткнувшись на камышовую юрту. Это было жилище его друга и помощника, а совсем неподалеку, в каких-то десяти метрах, возле шумливой реки, Тарагай ждал родной дом.

Всадник лихо подскочил к жилищу, спешил к нему, отпустив коня пастись, заглянул внутрь. В юрте было жарко, так жарко, что мужчине показалось: кто-то поднес к его лицу пылающую головню. Глиняный светильник едва освещал скромное жилище. В сумерках он едва разглядел неподвижное тело жены на овечьих шкурах и суетившуюся возле нее старуху-повитуху.

Увидев хозяина, повитуха замахала руками и быстро заговорила:

– Нельзя, нельзя, уходи, уходи.

Жена шевельнулась, будто очнувшись от забытья, и застонала. Тарагай медлил, и старуха злобно сверкнула щечками глаз.

– Я же сказала – уходи.

А потом добавила более миролюбиво:

– Снаружи подожди. Позову.

Ему хотелось закричать на нее, ударить, но мужчина сдержался, лишь послушно вышел, вдохнув живительный свежий воздух.

Снова раздался стон, и Тарагай, закрыв лицо руками, сам застонал от бессилия, от невозможности помочь любимому человеку. А потом послышался жалобный кошачий писк,

и из юрты вынырнула повитуха.

– Сын у тебя. Заходи.

Тарагай провел рукой по лицу, смахивая капли пота, и вошел в дом. Жена белым пятном лежала на шкурах и тяжело дышала. Рядом с ней шевелилось что-то красное и крошечное.

Повитуха ловко подхватила младенца и поднесла его Тарагаю.

– Вот, гляди. Богатырь какой.

Мужчина бережно взял горячее тельце, и ребенок заплакал, словно протестуя.

– У него белые волосы, – гордо сообщил отец старухе. – А еще сгусток крови в кулачке. Он будет хорошим воином.

Повитуха закивала, и ее дряблые щеки затряслись.

– Все мы знаем, что у нашего Чингисхана при рождении тоже были белые волосы и сгусток крови, – прошамкала она.

Тарагай кивнул:

– Мой сын станет таким же славным богатырем, вот увидишь. Недавно я видел сон... Ко мне подошел красивый молодой араб и вручил меч. Когда я взял его в руки и стал размахивать им в воздухе, сталь клинка заблестела так, что осветила весь мир. Я попросил святого Амира Куляля объяснить это сновидение. Амир Куляль сказал, что этот сон имеет пророческое значение, и Бог пошлет мне сына, который овладеет всем миром, обратит всех в ислам, освободо-

дит землю от мрака невежества и заблуждений. Несомненно, мальчик станет великим воином.

– Станет, станет, – шепча, старуха потирала сухие руки. – Только вот мать его... Хворая она, долго не протянет. Тарагай бросил на нее злой взгляд.

– Не говори, о чем не знаешь, – буркнул он и, положив ребенка к матери, наклонился над ней.

На белом лице жены не было ни кровинки, она тяжело дышала и облизывала искусанные в кровь губы.

– Моя жена родит мне еще много воинов.

Повитуха наклонила голову и промолчала.

Сердце мужчины сжалось от нехорошего предчувствия, но он отогнал от себя дурные мысли и повторил:

– Она родит мне еще много воинов.

Жена шевельнула рукой, словно услышав их шелестевший разговор.

– Я родила тебе наследника, – с усилием выдавила она. – Будущего воина, как мы хотели.

– Да, конечно, – отозвался Тарагай, почувствовав влагу на глазах. – Наш сын будет хорошим воином.

– Он будет прекрасным воином, как и его отец, – женици-на заскребла руками по шкуре. – Да, как и его отец. А я...

– А ты будешь прекрасной матерью, – перебил ее Тарагай. – Ты встанешь на ноги, и мы вместе воспитаем наших детей.

Женици-на закрыла глаза и ничего не ответила.

Сердце воина сжалось от нехорошего предчувствия. Он вздохнул, взял младенца на руки и направился к выходу.

Повитуха преградила ему дорогу:

– Ты куда его понес? Нельзя...

Тарагай сверкнул на нее черными глазами:

– Мы скоро вернемся. Я обещал показать новорожденно-го шейху Шамсуддину. Достопочтенный поможет выбрать достойное имя.

Старуха кивнула. Все небольшое население почитало шейха Шамсуддина, самого образованного в Кеше.

Она отбросила шкуру, прикрывавшую вход в юрту, и Тарагай вышел, бережно сжимая в руках драгоценную ношу.

Шейх жил в соседней юрте, возле высокой чинары с морщинистым стволом. Когда мужчина отодвинул полог, он увидел, что Шамсуддин, худой жилистый старик, сидел на коврике и, поджав под себя ноги и придвинув светильник, читал Коран.

– Да будет благословенно это жилище! – воскликнул Тарагай и поклонился. – Достопочтенный, я принес тебе новорожденного сына. Я знаю, что он станет великим воином... Ты должен помочь мне выбрать имя.

Он поднес младенца к сморщенному лицу шейха, и тот дотронулся пальцами до овечьей шкуры.

– Я остановился на стихе, в котором упоминалось имя Тимур, – торжественно проговорил Шамсуддин. – Лучшего имени для твоего сына не придумаешь.

– Тимур, – произнес Тарагай, и его широкое лицо озарила улыбка. – Да, это прекрасное имя для ребенка. Благодарю тебя, Шамсуддин.

Шейх ничего не ответил и продолжил чтение. Гость вышел, стараясь не мешать хозяину.

Неожиданно небо закрыли тучи, и пошел весенний дождь. Капли пепельного цвета летели с неба, били в лицо, оставляя темные следы.

Тарагай поднял руки и прошептал:

– Благодарю тебя, Аллах. Ты посылаешь мне весточку, что мой сын станет великим...

На его лице заиграла радостная улыбка. Он был счастлив.

Глава 5

Черноморск, наши дни. За месяц до убийства

Он пришел с работы, как всегда, уставший до черта. И, как всегда, увидел надоевшую и раздражавшую картину.

Жена Ольга сидела за столом с неизменной бутылкой портвейна и осушала явно не первый стакан. Странно, но спиртное никогда не действовало на нее расслабляюще. Иногда она становилась агрессивной, и тогда в Валентина летело все, что попадалось ей под руку, иногда супруга роняла дорогие слезы и обвиняла его во всех своих несчастьях. И тогда ему становилось смешно – ей ли говорить об этом? Ольга всегда жила как сыр в масле, никогда не работала, однако ее трудовая книжка пылилась в их фирме – и стаж набегал исправно.

Валентин подозревал, что и в институт она тоже не ходила: тесть уже тогда начал подниматься, создавать свою компанию и вполне мог сделать подарок своему единственному чаду – подарить диплом.

– Опять? – Он попытался отнять у супруги стакан, и густое вино выплеснулось ему на брюки. – Почему не забрала Кешку из сада? С утра начала, что ли?

Она кинула на него полный неприязни взгляд:

– Это твоя обязанность, не так ли?

Валентин едва подавил желание ударить ее, плеснуть в лицо вином. Опять их четырехлетний сын будет сиротливо сидеть у ворот и дожидаться нерадивых родителей!

– Оля, ну что тебе помешало забрать его? – спросил он, стараясь подавить в себе ненависть и отвращение. – Ты не работаешь. Занимайся хотя бы сыном.

Ольга подняла на него насмешливый взгляд:

– О, какие мы... Закрой рот, голодранец, и ступай за ребенком. Или тебе напомнить, что ты имеешь работу и элитное жилье только благодаря моему папочке? Если тебя что-то не устраивает, катись отсюда! Я плакать не стану.

Валентин вздохнул, словно сокрушаясь о своей нелегкой доле, и стал надевать ботинки. Ему хотелось ударить ее, собрать вещи, позвонить тестю и наконец высказать все, что он думал об их семейке. Но вместо этого мужчина покорно отправился за ребенком, в который раз сетуя на свою слабость.

Глава 6

Кеш. 1343 г.

Прислонившись к юрте, Тарагай любовался семилетним Тимуром. Мальчик сидел на гнедом тонконогом коне будто влитой.

– Отец, посмотри, как я стреляю, – крикнул он, и Тарагай с удовольствием наблюдал, как сын, спрыгнув с лошади, без промаха поразил из лука все цели.

Эмир подумал, что правильно воспитывал сына после смерти жены, с малолетства приучал к военному делу.

Впрочем, это было нетрудно. Тимура интересовали только военные игры, и он с удовольствием вовлекал в них своих сверстников. Они сражались на деревянных мечах, стреляли из лука, обучались искусству верховой езды.

– Отец, правда, я уже хорошо стреляю? – Мальчик поднял лук над головой.

Тарагай кивнул:

– Верно, сын, ты хорошо стреляешь. Я думаю, со временем ты прославишь наш род.

Ребенок подошел к нему и присел на булыжник, поросший рыжеватым мхом.

– Ты говорил, мы потомки Чингисхана, – задумчиво проговорил он. – Это был великий воин. Самый великий их тех, о ком я слышал. Мы его прямые потомки, да?

Отец покачал головой.

– Нет, мой мальчик. Это не совсем так. Мы потомки нойона Карачара, дальнего родственника сына Чингисхана – Чагатая. Как видишь, между нами нет прямого родства. Я неродовит, небогат, но в нашем племени меня уважают. Я говорю это к тому, что за тебя некому похлопотать и тебе придется всего добиваться самому.

Ребенок вскочил на ноги, и его голубые узкие глаза заблестели.

– Это позорно для воина – просить кого-то о помощи. Настоящий воин должен всего добиться сам – как же иначе?

Он схватил копье, которое оставил возле юрты, и с силой метнул его в деревянный столб. Острие сразу вошло в дерево, дождем разбрызгав опилки.

– Отлично, – похвалил Тарагай. – В этом деле среди сверстников тебе нет равных. А еще ты лучше всех играешь в шахматы. Кто научил тебя этой игре? Ты никогда мне об этом не говорил.

Щеки Тимура покраснелись.

– Да никто меня не учил! – воскликнул он радостно. – Впервые я увидел их в руках у одного дервиша, который проходил мимо нашего дома. Только мне показалось, что он не обычный дервиш. А потом я играл с шейхом Шамсуддином.

Выговорившись, мальчик снова примостился рядом, сосредоточенно и молчаливо ковыряя землю остро отточенной палкой.

Эмир подумал, что сын делал успехи не только в военных играх. Тимур любил общаться с образованными людьми Кеша, с открытым ртом слушал рассказы караванщиков о неведомых странах, знал много легенд и преданий.

Он положил руку на голову ребенка, глядя его рыжеватые волосы.

Сын поднял на него глаза и улыбнулся.

– Тимур, – вдруг послышался звонкий мальчишеский голос, и из-за юрты показалось чумазое узкоглазое смуглое личико приятеля, – побежали на речку.

– Хорошо, Ерден, – ответил Тимур и посмотрел на отца. – Ты позволишь? Очень жарко, мы с Ерденем, Арваем и Батаром хотим искупаться.

– Ступай, сын мой, – произнес Тарагай и с нежностью посмотрел вслед удалявшемуся мальчику, любуясь его крепкой фигуркой.

Тимур был рослым и не по возрасту высоким. Эмир вспомнил, что однажды сын заснул на берегу реки, убаюканный ее журчанием, а потом, пробудившись, прибежал к отцу и рассказал о необычном сне.

Мальчик будто бы закинул невод, но сеть, на его удивление, оказалась огромной и охватила всю речку. Испуганный, Тимур дернул сеть и вытащил на берег всех рыб и живот-

ных, населявших воды.

Выслушав сына, Тарагай решил, что это пророческий сон, и поспешил к Амиру Кулялю. Тот подтвердил его предположения: Тимуру суждено подчинить себе все народы вселенной.

Это укрепило эмира в мысли: сын обязательно прославит их род, станет могущественным правителем. Об этом говорило еще и то, что уже в раннем детстве Тимур проявлял качества вождя, и мальчишки тянулись к нему, подчинялись его приказам. Впрочем, никто из них не умел так держаться в седле и так метко стрелять из лука, как сын Тарагая. Поэтому, когда через несколько лет Тимуру надоели детские игры и он решил организовать нападения на жителей окрестных селений, его друзья поддержали эту идею.

Глава 7

Черноморск, наши дни. За три недели до убийства

Валентин ехал по улице в черном джипе «Чероки» и думал о том, что его ждет в будущем. А в будущем его не ждало ничего хорошего – он был твердо в этом уверен.

Ольга с каждым днем становилась все несноснее, и мужчина давно уже не чувствовал к жене ничего, кроме отвращения. Это чувство стало нестерпимым, когда появилась Лиза... Она пришла устраиваться в фирму на должность финансового директора, и Валентин сразу выделил ее из множества претенденток. Слава богу, согласовывать эту кандидатуру с тестем – фирма была дочерним предприятием его компании – не пришлось, и мужчина принял ее на работу, а через несколько дней понял, влюбился по уши. Лиза воплощала его идеал женщины: умная, чертовски красивая, веселая... Ему хотелось ее до безумия, до одури. Когда она случайно касалась его своими тонкими наманикюренными пальчиками, по телу Валентина пробегала сладостная дрожь.

Мужчина вспомнил, как однажды молодая женщина наклонилась над ним, разглядывая документы, и он, глядя на ее налитые груди, выпиравшие под тонкой белой кофточкой,

вдыхая нежный аромат духов, не выдержал и впился в сочные губы страстным поцелуем.

Лиза не оттолкнула его, не рассердилась, только прошептала:

– Не уезжай домой без меня. После работы на стоянке...

Он не помнил, как дождался конца работы. Ноги понесли его на стоянку с необычайной легкостью. Каждой клеточкой Валентин чувствовал присутствие любимой, и она, как прекрасная принцесса из волшебной сказки, вышла из темноты и обняла его.

– Я знаю хороший отель. Это недалеко.

Они забрались в машину, и Валентин страстно поцеловал ее, не опасаясь, что их кто-нибудь увидит.

Женщина погрозила ему пальчиком:

– Тебе все будет. Не торопись.

Когда они приехали в гостиницу – этот путь показался ему вечностью, – он сразу набросился на нее, сорвал одежду. А потом они лежали бок о бок на мокрых от пота простынях, и Валентин гладил ее руки и лицо.

– Что же нам делать? – шептал он обреченно. – Я люблю тебя, мне недостаточно будет видеть тебя на работе... Я бы женился на тебе хоть завтра, но... Ольга, пропади она пропадом. И ее пресловутый папаша, который способен уничтожить тебя и меня легким движением руки.

– Я тоже не могу развестись, – Лиза смотрела на него влюбленными глазами и вздыхала. – Ты не знаешь моего му-

жа... Он отомстит нам...

– Кто твой муж? – Валентин в эту минуту был готов вызвать его на дуэль. Присутствие любимой сделало его дерзким и смелым.

– Антон работает парикмахером в салоне красоты, – ответила женщина. – Боже, как он мне ненавистен! Как противно отдаваться ему каждую ночь... Он груб, неотесан... Хотя с клиентками щебечет, как воробей. Ему не дает покоя слава Сергея Зверева. К тому же Антон заядлый картежник. Мне кажется, он проиграл бы и меня, если бы посмел.

– О господи. – Он прижимал ее к себе, вдыхал аромат ее волос и шелестел: – Что же придумать? Как нам избавиться от них?

– Поживем – увидим, – философски изрекла Лиза, и Валентин снова набросился на нее.

Глава 8

Кеш, 1352 г.

Ерден, Батар, Арвай и еще несколько юношей, добровольно влившись в отряд дерзкого и отважного Тимура, лежали в засаде за холмом вместе с предводителем, который зорко вглядывался в даль.

Сыну Тарагая уже исполнилось шестнадцать. Он отпустил бороду, как и подобало взрослому мужчине, раздался в плечах и сильно вытянулся. Его фигура, стройная, гибкая и мускулистая, говорила о том, что молодой человек посвящал военному делу и охоте все свободное время. Серо-голубые глаза уже давно не смотрели с доверчивостью и простотой. Они пронизывали собеседника насквозь, как бы пытались разглядеть его душу, и обжигали холодом.

Юноша давно понял: спокойная жизнь не для него. Сначала он сам украл барана у своего соседа, а потом, ободренный успехом, сколотил банду из ровесников, и они грабили соседей, угоняли их скот, а потом стали охотиться за караванами, часто проходившими мимо Кеша.

Вот и сейчас Тимур и его сорванцы сидели в засаде в ожидании богатой добычи. Он был уверен, что вскоре мимо алы-

човой роши, вдоль берега реки должен пройти большой караван – навьюченные горбатые верблюды, которых вели богатые купцы.

Сын эмира не знал наверняка, но был уверен, что они богатые, потому что таковыми в его представлении были все торговцы. Тимур рассчитывал поживиться не только овцами или коровами – тем, что сорванцам обычно удавалось отобрать у жителей близлежащих селений. Сегодня друзья планировали захватить тюки с дорогими материями и драгоценности.

– Тимур, а ты не боишься, что караванбаи побьют нас стрелами? – спросил Арвай, самый маленький, худой и самый осторожный в их шайке. – Мне отец рассказывал... Да и караванчики, которые часто останавливались в Кеше. Богатые караваны всегда охраняют хорошо вооруженные люди.

Тимур покачал головой:

– Нет, Арвай, не боюсь. Спросишь почему? Да потому что я стреляю не хуже караванбаи. Кроме того, мы нападем на них внезапно. Уверен, караванчики не ожидают нападения здесь. А это значит что? – Он посмотрел на друзей.

Юноши переглянулись и ничего не ответили.

– А это значит, что мы застанем их врасплох, – пояснил вожак и самодовольно вскинул голову. – Они и оружие вытащить не успеют. А мы тем временем сами побьем их и ограбим.

Глаза Батара, такого же сорванца, как и Тимур, загорелись от предвкушения битвы.

– Здорово! – воскликнул он, проводя рукой по смуглому лицу, на котором только начал пробиваться темный пушок. – Что же мы потом сделаем с добычей?

– Поедем в город и продадим, – решил сын Тарагая, – а на вырученные деньги купим лошадей.

«Если сами не погибнем», – подумал Ерден и погладил непокрытую горячую голову, на которую палящее летнее солнце нещадно бросало лучи.

– Искупаться бы, – будто прочитал его мысли Батар. – Жарко... И пить хочется.

– Что вы как эженщины! – буркнул Тимур, покраснев от злости. – Разве вам не хотелось завладеть богатствами каравана? Разве не вы подбивали меня ограбить купцов? А теперь, когда мы почти у цели, ноете, будто изнеженные девушки.

– Так-то оно так, – подал голос один из юношей, – но... Тимур прислушался и знаком велел ему замолчать.

– Чувствую, как земля дрожит, – прошептал он, прижимаясь к серой каменистой почве. – Караван идет...

Сорванцы недоуменно посмотрели на своего предводителя: они ничего не слышали. Но вскоре из-за деревьев с темно-зелеными глянцевыми листьями показался первый верблюд, которого вел за узду караваник.

Тимур напрягся и сжал кулаки.

– Как только я подам сигнал, нападаем, – прошепестел он, и сорванцы вцепились в луки.

Вожак поднес руку к глазам, защищая их от солнца, и внимательно наблюдал за караваном, оценивая обстановку. Как он ни храбрился, не желая показывать своей слабости, но все равно понимал, что друзья правы. Если караван большой, нечего и думать о нападении. Купцы станут острее-нело защищать свое добро, и тогда они не только ничем не поживятся, но и рискуют навеки остаться в степи. Если же караван маленький, тогда...

На его счастье, верблюдов и погонщиков оказалось не более двадцати.

Подав товарищам знак, Тимур издал воинственный крик и бросился на купцов. Остальные последовали его примеру.

Мужчины-караванщики сначала остановились в недоумении, потом потянулись к лукам, но шайка сына Тарагая осыпала их градом стрел, и они, вероятно, решили, что пришло время спасать свои жизни. Бросив навьюченных верблюдов, купцы разбежались кто куда, и отряд Тимура их не преследовал. Юные бандиты с радостными возгласами бросились к горбатым животным и принялись стаскивать тюки.

Золота и драгоценных камней они не нашли, но это их не очень огорчило. Шайке досталась золотая парча и сладости. Тимур поделил награбленное почти поровну. Почти – потому что по установленному порядку он взял больше всех.

Это казалось ему справедливым: кто, как не он, подбил

друзей на ограбление каравана?

Впрочем, сорванцы не спорили. Ошарашенные такой быстрой победой, они схватили трофеи и помчались по домам.

Тимур тоже поволок свои тюки в отцовскую юрту. Он знал: эмир снисходительно относился к его проделкам. Отцу, похоже, нравилось, что сын совершенствует свое военное мастерство – пусть и таким способом.

Бросив добро в углу, юноша вышел наружу и гордо зашагал к реке, надеясь увидеть своих подельников.

Высокий жилистый старик с клинообразной седой бородой возник перед ним как видение, и Тимур вздрогнул и побледнел. Он нечасто встречал саида Куляля и всегда замирал перед ним, зная, с каким благоговением относился к нему отец. Да разве только отец? Все население Кеша ходило к этому святому, чтобы услышать его пророчества.

Куляль жил отшельником на горе в пещере, иногда спускался, чтобы набрать воду из ручья в алычовой роще. Вот и сегодня он с глиняным кувшином в руке медленно шел к ручью.

Поравнявшись с саидом, Тимур остановился и поклонился. Маленькое худое лицо святого будто просветлело, и он произнес, улыбнувшись:

– Поздравляю тебя, Тимур, с восшествием на престол.

Юноша вздрогнул и прерывисто задыхался.

Что говорит этот человек? С каким восшествием он его

поздравляет? До престола ему, Тимур, очень далеко. Разве саиду не известно, что они не являются прямыми потомками Чингисхана?

Куляль, заметив замешательство парня, протянул сухую, как ветвь засохшего дерева, руку.

– Я не ошибся, Тимур, – продолжил он, – ты действительно станешь властелином, а потом передашь трон по наследству. Тебе известно, что я никогда не ошибаюсь в своих пророчествах.

Тимур продолжал хранить молчание, и саид дотронулся до его плеча:

– Ступай, ступай, мой мальчик. Тебе суждено изменить мир. Я уже говорил об этом твоему отцу.

Улыбнувшись тонкими губами, Куляль продолжил путь. Юноша еще несколько минут стоял неподвижно, а потом потряхнул рыжеватыми волосами и вскинул вверх правую руку.

Человек, всеми уважаемый в селении, уже не в первый раз подчеркивал, что вскоре он, Тимур, покорит мир. И его слова грели душу и улаживали слух. Но когда же это произойдет? Не нужно ли самому что-нибудь для этого сделать? Но что он может сделать сейчас?

Сын Тарагая подумал, что, когда наступит удобный момент прославить свое имя, он его не упустит.

Глава 9

Черноморск, наши дни. За три недели до убийства

Дни летели, как листья с деревьев, но влюбленные так ничего и не придумали. Они продолжали встречаться урывками, то тут, то там, и Валентин с болью сознавал, что не может сделать ничего, чтобы быть рядом с любимой.

Они просто продолжали плыть по течению. Ольга с каждым днем пила все больше и больше, становилась все несноснее, и, глядя на нее, пьяно ухмылявшуюся его словам, Валентин сжимал кулаки и был готов ее убить.

О своих мыслях он не говорил никому, даже Лизе, только иногда изливал душу старой знакомой своих родителей – тете Маше.

Тетя Маша никогда не любила Ольгу, не одобряла его брак и не раз предупреждала:

– Ой, Валечка, ну, не любишь ты ее, в брак по расчету вступаешь. Когда-нибудь это тебе аукнется, только поздно будет. Я вот своего покойного мужа до одури любила и прожила с ним счастливую жизнь. А тебе и ведомо не будет, что такое счастье.

И только сейчас Валентин понял, как она была права. Он

рассказал ей все – о себе, о Лизе и об их вторых половинах, которых они предпочли бы никогда не видеть.

– Тетя Маша, может, посоветуете чего? Не могу я жить с Ольгой, ненавижу.

Она гладила его светлые волосы:

– А что делать, Валечка? Уйдешь ты от Ольги – и что будет? Ты-то, конечно, не пропадешь. И от тестя убежать можно, страна большая. Но что с твоим ребенком будет, Кешей? Ты говоришь постоянно, что он Ольге до лампочки. Уйдешь – и никому твой малец не будет нужен. Ольга-то долго горевать о тебе не станет, другой найдется на богатство-то. Подумай, легко ли будет ребенку с чужим-то мужиком?

Валентин сжимал голову и мычал:

– Да, вы правы, правы... Но я люблю Лизу и никогда от нее не откажусь.

– Раньше надо было думать. – Тетя Маша придвигала к нему чай. – Выпей и успокойся. А ведь я тебя предупреждала.

Эти слова резали его, будто ножом по сердцу. Но в то же время Валентин сознавал, что пока бессилён что-либо изменить, даже высказать правду в глаза ненавистной жене. И от сознания своего ничтожества он становился ненавистен сам себе.

Глава 10

Кеш. 1362 г.

Тимур сидел в большом шелковом шатре, в который раз сворачивал и разворачивал письмо, перехваченное верными нукерами у гонца, и размышлял, что дальше делать.

Как всегда, в минуты раздумий, он двигал фигурки на шахматной доске, и они помогали ему принять верное решение.

Когда к нему заглянул один из слуг, эмир бросил:

– Немедленно найди эмира Хусейна и скажи, что я хочу его видеть.

Слуга тотчас побежал выполнять приказ, а Тимур, подперев рукой подбородок, задумчиво разглядывал узор на ковре, вспоминая разбитной отряд друзей, с которыми он когда-то совершал набеги на соседей и караваны.

Да, много воды утекло с тех пор, многое изменилось. Он и сам изменился, даже внешне: стал еще более мускулистым, широкоплечим, отрастил длинную рыжеватую бороду, голос его огрубел, взгляд голубых пронзительных глаз поражал жесткостью и решительностью.

Несколько лет назад не стало единственного верного дру-

га и советчика – его отца, Тарагая.

Тимур давно уже понял, что эту потерю ему не возместить ничем и никем. Отец никогда бы не предал его, в отличие от лживых людишек, окружавших эмира сейчас.

Наступили трудные времена. Напряжение будто витало в воздухе. Земли раздирали междоусобицы. Последний чингисид в Мавераннахрской части Джагатайского улуса Казан-хан погиб в междоусобной войне, которую возглавил сторонник старых традиций, бек Казаган. Победитель не принял ханского титула: ограничившись званием эмира, он завел при своем дворе подставных ханов из рода Чингисидов. В 1358 году Казагана убили на охоте, и Мавераннахр погрузился в состояние полной анархии. Шахрисабз подчинился Хаджи Барласу, Ходжент – главе рода джелайров Баязеду, Балх – внуку Казагана Хусейну, а в горах Бадахшана властвовали многочисленные мелкие князьки.

В результате этих событий Мавераннахр оказался легкой добычей для хана Моголистана Тоглук-Тимура, который поспешил захватить эту страну. Сын Тарагая, ему уже исполнилось двадцать пять, решил поступить на службу к Тоглук-Тимуру – это решение казалось ему наиболее правильным.

И действительно, хан назначил его управляющим Кашикадарьинского вилайета. Тимур дождался, когда его повелитель уйдет в степи Монголистана, и, не считаясь с его сыном Ильясом, оставленным за главного в Мавераннахре,

стал вершить свою политику. К тому времени он давно был женат на красивой и умной Ульджай-туркан, внучке Казагана. Тогда ее дед был жив, здоров, влиятелен, и Тимур решил посвататься к Ульджай из чисто политических соображений. Но, прожив с ней несколько месяцев, он понял, что полюбил ее неожиданно для себя, полюбил по-настоящему первый раз в жизни.

Однако, влюбленный, он не забывал и о желании захватить власть, и поэтому помогал ее деду, раскрывая многочисленные заговоры и надеясь, что Казаган сделает его своим преемником.

Правда, все предусмотреть было не под силу даже ему... Дед его жены погиб неожиданно для всех: его убили на охоте. Власть захватил дядя Ульджай. Любимый брат его жены Хусейн, тоже мечтавший о троне, пришел в негодование и сблизился с Тимуром, надеясь, что тот поможет ему вернуть власть.

Эмир понимал: родственник может предать его и когда-нибудь это обязательно сделает, но пока он стал единственным человеком, на которого можно было опереться.

Именно его Тимур велел позвать к себе в шатер, надеясь в разговоре с товарищем принять правильное решение.

Вскоре Хусейн, чем-то похожий на Тимура, но ниже ростом и менее мускулистый, уже заходил в шатер.

– Ты звал меня, эмир?

– Звал, – кивнул Тимур и погладил длинную рыжеватуую

бороду. – Я поручил своим людям отнести это письмо грамотному человеку. Как ты думаешь, что в нем написано?

Хусейн усмехнулся, показав острые зубы:

– Нетрудно догадаться, эмир. Это приказ уничтожить тебя.

Тимур вздрогнул и схватил Хусейна за руку своими толстыми пальцами.

– Почему ты так ответил?

– Да потому что Ильяс-Ходжи ненавидит тебя, – отозвался родственник. – Чем объяснить эту ненависть, я не знаю. Но думаю, он всегда чувствовал в тебе соперника. А когда ты освободил семьдесят потомков пророка Мухаммеда, Ильяс-Ходжи наверняка известил об этом отца. И вот Тоглук-Тимур прислал тебе весточку из Моголистана. Хорошо, что твои нукеры перехватили гонца. Иначе лежать бы тебе в степи с простреленной головой. Среди воинов Ильяса-Ходжи тоже есть меткие стрелки.

Тимур наклонил голову, и его бледное лицо порозовело.

– Ты всегда читал мои мысли, Хусейн, – произнес он задумчиво. – Наверное, это хорошо. Как думаешь, что теперь делать?

– Хочешь услышать свои мысли из моих уст? – улыбнулся родственник. – Ну так слушай. Нам нужно отречься от Тоглук-Тимура и бежать. Бежать куда-нибудь подальше, чтобы шакалы хана нас не отыскали. Ты должен взять мою сестру и детей. Никто, кроме тебя, не сможет защи-

тить их.

Эмир пошевелил пальцами.

– Все верно. Я и не думал их оставлять. – Он сверкнул глазами. – Знаешь, Хусейн, не скрою от тебя, что я всегда стремился к власти, но только теперь понял, что власть не дает покоя. Напротив, человек, находящийся у власти, забывает про покой. Я очень горевал, когда потерял отца, – его глаза потеплели, когда он вспомнил о близком человеке. – Он умер внезапно, ничем не боля и ни на что не жалуясь. Теплым весенним днем отец сидел у ручья, слушал его журчание и улыбался своим мыслям. С гор дул прохладный ветер, и я принес ему покрывало, чтобы он не замерз. Помню, он поблагодарил меня и набросил покрывало на спину. Я ушел к друзьям, – Тимур вздохнул, будто всхлипнул, – а когда вернулся, отец лежал на земле, и его глаза смотрели в небо. Знаешь, какая была моя первая мысль, когда я его увидел?

Хусейн покачал головой.

– Я подумал, что не хотел бы так умереть, – процедил эмир. – Для воина лучшая смерть на поле сражений, разве нет? А теперь считаю, что я был не прав. Разве не прекрасно умереть на родной земле, возле родного дома? Умереть спокойно, словно уснуть?

Хусейн удивленно посмотрел на него:

– Ты действительно так считаешь?

– Наверное, – Тимур бросил письмо на ковер. – Сколько

тебе понадобится времени, чтобы подготовить повозки с вещами и еду?

– Можно управиться и за день, – ответил родственник. – Чем скорее мы уедем отсюда, тем будет лучше для всех.

– Это правильно, – эмир наклонил голову. – Иди и поторопись. Думаю, у нас нет на подготовку и дня. Сегодня письмо не дошло до Ильяса-Ходжи, но его отец может послать другое. Он не успокоится, пока не узнает о моей смерти.

– Я понял тебя, – сказал Хусейн и направился к выходу. – Я сообщу тебе, когда все будет готово.

Он удалился так же тихо, как и вошел, и Тимур, помрачнев, отправился следом, чтобы предупредить жену о предстоящей поездке.

Обе женщины с детьми жили в одном шатре. Увидев своего повелителя, первая жена Айгюль, рано постаревшая, измученная частыми родами, сжалась, словно ожидая побоев, и опустила голову.

Щебетунья и хохотушка в юности, она сильно изменилась, когда эмир привел в дом вторую жену: стала скрытной и задумчивой, часто забивалась в угол и давала волю рыданиям или сидела на ковре, глядя в одну точку.

Как только супруг объяснил им, что нужно покинуть эти места, Айгюль ничего не ответила, даже не пошевелилась. Черные косы лежали на ее спине, будто змеи.

Тимур вспомнил, как раньше любил зарываться лицом в ее густую, пышную гриву, пахнувшую дымом костра. Но это

было давно...

Когда он воспылал любовью к сестре Хусейна, Ульджан, первая жена была почти забыта.

Он потрепал ее по мягкому плечу, потому что чувствовал: она нуждалась в ласке и поддержке.

– Не бойся, все будет хорошо. Собирай детей.

Ульджан, сестра Хусейна и любимая жена, тоже ничего не сказала, и эмир подумал, что молчание и покорность жен он всегда ценил больше, чем многословие подчиненных.

Подойдя к Ульджан, он положил ей на голову тяжелую сильную руку и почувствовал биение собственного сердца.

– Поверь, я...

– Ничего не говори, мой повелитель, – быстро произнесла женщина и бросила на него нежный взгляд. – Не мне обсуждать твои решения. Я соберу вещи и детей, и мы покинем дом, когда ты нам об этом скажешь.

– Хорошо, – согласился эмир. – Я дам вам знать.

Тимур вышел из шатра, сел на холодную землю, орошенную осенним мелким дождиком, и задумался. Он пока не представлял, куда они завтра направятся. Может быть, придется не один месяц блуждать по степям и пустыням, терпеть лишения и холод... Но все равно это лучше, чем смерть.

Подперев рукой подбородок, Тимур посмотрел на звездное небо. Небесные светила мерцали необычайно ярко, и эмир подумал, что они озарят его путь и помогут принимать вер-

ные решения.

Хусейн неслышно подошел к нему:

– Я выполнил все, что поручил мне ты, Тимур. Думаю, можно выходить завтра на рассвете.

– Ты молодец, – подхватил его эмир. – Большой ли получится караван?

Хусейн в раздумье почесал затылок.

– Наверное, около тридцати повозок.

– Прекрасно, – проговорил сын Тарагая. – Значит, завтра на рассвете. – Он тяжело поднялся и потер затекищую ногу. – Пойду предупрежу твою сестру и Айгюль.

– Куда же мы пойдём? – поинтересовался родственник.

Тимур ничего не ответил.

Глава 11

Черноморск, наши дни

Студентка политехнического университета Марина Борисова, хорошенькая, как кукла Барби, с такими же светлыми волосами, забранными в конский хвост, резво сбегала по ступенькам, думая о том, что не успела подготовиться к семинару.

Позавчера она тоже не была готова, и преподаватель обещал вызвать ее в следующий раз. И вот следующий раз наступил, а она ни в зуб ногой.

Размышляя, как выкрутиться из этой щекотливой ситуации, Марина прошмыгнула мимо двери соседки Марии Петровны Богдановой и внезапно остановилась.

Дверь пожилой женщины была приоткрыта наполовину.

– Мария Петровна? – девушка сунула в щель хорошенькую головку. – Почему дверь не закрываете? Каждый день передают информацию про воров... Они даже в Интернете завелись... Или у вас кто-то есть?

Девушке никто не ответил. Может быть, соседка на минутку вышла? Но тогда почему она не закрыла дверь? Неужели забыла? Такого с ней никогда не случалось.

Марина почувствовала, как холодок страха крадется ей в душу. Она вспомнила любимые детективные сериалы. Если следователь наткнулся на открытую дверь, он считал это плохим признаком.

Девушка похолодела. Она сделала шаг, другой и застыла, наткнувшись на тело пожилой женщины. Мария Петровна лежала на полу в луже крови...

В глаза бросилась игральная карта на ее пышной груди... «О господи!» – замотав головой, словно отогнав от себя наваждение, студентка выбежала из квартиры и помчалась вниз.

– Ты куда бежишь, сумасшедшая?

Дворник Дмитрий Иванович Белов столкнулся с ней лоб в лоб возле входной двери в подъезд и весело рассмеялся:

– Чего бежишь как оглашенная?

Девушка подняла вверх дрожавший палец с розовым ноготком:

– Там... Мария Петровна... Она, кажется, того... Мертвая...

Дмитрий Иванович побледнел:

– Что ты такое плетешь? Курила, что ли, с утра? И явно не табак...

– Вы с ума сошли! – Марина ударила его в грудь маленькими кулачками.

Дворник бросил на нее обеспокоенный взгляд и быстро побежал вверх по ступеням.

Дверь в квартиру Марии Петровны по-прежнему была открыта.

Белов деловито зашел в прихожую и замер, перекрестившись:

– Господи боже мой!

Но потом, сообразив, что нужно действовать, прикрикнул на притихшую Марину:

– Чего замерла? Вызывай полицию и «Скорую».

Глава 12

Пустыни Азии, 1362 г.

Караван вышел на рассвете, когда солнечные лучи еще не упали на землю.

Тимур радовался, что нудный осенний дождик закончился еще вечером и не превратил дорогу в скользкое и малопроходимое болото.

Поговорив с людьми, эмир приказал идти прямо и никуда не сворачивать.

Они уже подходили к его родному селению, когда навстречу беглецам вышла худая жилистая фигура с кувшином в руке, и Тимур узнал саида Куляля.

Он спрыгнул с лошади и приветствовал святого.

– Рад тебя видеть, Куляль.

Худое изможденное лицо саида озарила теплая улыбка.

– И я рад тебя видеть, Тимур, сын Тарагая. – Серые глаза испытующе смотрели на эмира. – Я знаю о твоих неприятностях. Ты правильно сделал, что оставил службу у хана.

– Я собирался попроситься с тобой, – произнес Тимур. – Ты всегда был добр ко мне и предсказывал великое будущее.

Куляль поставил кувшин на камень и приосанился.

– Вели своим людям остановиться, – сказал он твердо и поправил овечью шкуру на плече. – Я ждал тебя. Ждал, потому что хотел кое-что передать тебе. Пойдем со мной. Аллах не зря направил тебя сегодня в эти места.

Он быстро пошел по тропинке, ведущей в горы, и Тимур, сделав знак нукерам и Хусейну, последовал за ним.

У входа в пещеру, занавешенного тростниковым покрывалом, саид что-то прошептал и повернулся к гостю:

– Заходи.

Тимур переступил порог святого жилища с каким-то благоговением. Впрочем, он всегда заходил сюда с благоговением, с наслаждением вдыхая запах благовоний, сухой травы и свежего горного меда.

Когда глаза привыкли к темноте, Тимур увидел, что Куляль возится возле огромного камня, заменявшего ему стол. Наконец святой удовлетворенно выпрямился и, разведя огонь в очаге, поманил эмира.

– Смотри!

Тимур прищурился. На узкой ладони саида лежала перламутровая жемчужина, матово отражая отблески костра.

– Когда-то ее подарил мне один святой, возвращавшийся из Мекки, – пояснил Куляль. – Он сказал, что жемчужина обладает невиданной силой, и попросил, чтобы я отдал ее человеку, которому суждено изменить мир. Этот человек ты, Тимур. Так что держи, – он протянул жемчужину эмиру.

Сын Тарагая растерянно заморгал:

– Что же мне с ней делать, саид?

– Тебе понадобится хорошее оружие, – голос Куляля звучал торжественно и уверенно, – и это оружие будет сабля. Когда мастер начнет делать ее для тебя, отдай ему жемчужину и прикажи положить ее в рукоятку. Твое оружие сразу получит немислимую силу и начнет поражать врагов без промаха. Кроме всего прочего, эта сабля будет петь и получит прозвище «поющей». Слава о ней пойдет по всему миру. Как и о тебе, Тимур, сын Тарагая. Но ты не должен говорить о ней. Найдутся люди, которые захотят завладеть этим сокровищем.

Эмир низко поклонился святому.

– Помоги советом, Куляль, – попросил он. – Скажи, куда мне идти? Где меня и моих людей не достанут шакалы хана?

Святой чуть заметно улыбнулся.

– Это ты должен решить сам, Тимур. Аллах дал тебе недюжинный военный талант. Настало время проявить его. Только не бросай своего спутника Хусейна, без него тебе не выбраться.

Эмир еще раз поклонился Кулялю.

– Спасибо тебе, добрый человек. Поверь, я никогда тебя не забуду. Если тебе понадобится моя защита, я готов прийти на помощь.

Саид ничего не ответил, лишь поднял сухую руку.

Тимур, осторожно ступая по каменному полу пещеры, вышел наружу.

Моросил мелкий дождь. Колючие горные кусты выделялись на скалах своими красными листьями.

Тяжело ступая на правую ногу, эмир спустился к каравану, встретив удивленный взгляд Хусейна.

– Почему так долго?

Тимур сделал родственнику знак подойти к нему.

– Нужно поговорить, Хусейн. Как ты думаешь, куда нам повести караван?

Темно-рыжие брови родственника сошлись на переносице.

– Я удивился, когда ты не взял нас с собой, – ответил он. – В горах нам было бы легче спрятаться. Я предлагаю вернуться в горы.

Тимур вздохнул, на лбу залегла глубокая складка.

– Я тоже так думал, – задумчиво проговорил он. – Но потом решил, что это неправильно. Ну, посуди сам: шакалы хана будут искать нас в горах в первую очередь. Они решат, что мы обязательно поднимемся наверх, эсая спрятаться в пещерах и расселинах. Вот почему я поведу караван к Хорезму.

Хусейн открыл рот и удивленно посмотрел на приятеля.

– Ты серьезно?

– Вполне, – уверенно отозвался Тимур. – Они и не подумают искать нас неподалеку от большого города. Кроме того, скоро наступят холода... Скажи, как нам уберечься от хо-

лода и голода? Если наши слуги иногда будут наведываться на хорезмский рынок, это спасет нас от голодной смерти.

Хусейн запустил пятерню в темно-рыжие волосы.

– А ты прав, – проговорил он после некоторого раздумья. – Ильяс-Ходжи обязательно погонит в горы своих псов.

Широкая улыбка озарила бледное лицо эмира.

– Тогда вперед, – весело сказал он, нащупывая в кармане ценную жемчужину. – Вперед!

Хусейн махнул рукой, и караван медленно двинулся к хорезмским степям. Друзья вскочили на стройных вороных коней и отправились следом.

Глава 13

Черноморск, наши дни

Полиция и «Скорая» приехали одновременно. Понятых тоже нашли быстро – двух студентов с третьего этажа.

Пожилой врач в роговых очках, наверное, еще советского периода, деловито осмотрел труп и заявил:

– Товарищ следователь, черепно-мозговая. В принципе нам и спасать тут некого. Так что вы извините, но меня больные ждут. Давайте бумаги, я все подпишу.

Следователь, майор Геннадий Волошин, высокий, темно-волосый, сероглазый, представительный мужчина лет сорока, чем-то похожий на Тома Круза, но не терпевший, когда ему указывали на это сходство, кивнул:

– Да, пожалуйста. Дальше мы сами.

Пока врач общался с оперативниками, совавшими ему какие-то бумаги, Волошин подошел к судмедэксперту Грише Павлову, в свои тридцать пять выглядевшему на двадцать с хвостиком, и произнес:

– Значит, черепно-мозговая.

– Однозначно, – Гриша любил выражаться вычурно. – Ошибиться невозможно. Время смерти – приблизительно

вчерашний вечер. Точнее скажу после вскрытия.

– Как всегда, – Волошин улыбнулся. – Ну что ж, пусть санитары уносят тело в морг.

Два совсем молодых парня, видимо, будущие студенты мединститута, ловко запаковали труп в черный мешок и положили на носилки.

К Геннадию подошел оперативник Виталий Бочкин, широкоплечий качок, проводивший все свободное время в спортзале.

– Интересно, кому понадобилось ее убивать? – Он смешно наморщил лоб. – Ну сам посуди, покойная – медсестра в детской больнице. Всю жизнь там проработала, наши уже все пробили. И при чем тут игральная карта, ума не приложу. Бубновый туз – что бы это значило? Сомневаюсь, что покойная баловалась картишками.

Волошин окинул квартиру Марии Петровны внимательным, цепким взглядом сыщика.

– Мы еще не разговаривали с родственниками и соседями, Виталья. Может быть, у этой бабули в мешках под кроватями хранились драгоценности. А карта – это так, для отвода глаз.

Бочкин хмыкнул:

– Ну ты и скажешь!

– А что? – Глаза Геннадия загорелись. – Разве ты знаешь мало подобных случаев?

Виталий пожал своими широкими плечами:

– Действительно, мало.

Взгляд оперативника скользнул по старому красному коврику на стене, по стертým половичкам, мебели пятидесятих годов...

– Что-то не похоже, чтобы здесь хранились золото-бриллианты.

Второй оперативник, Паша Цеков, худощавый и тщедушный по сравнению с коллегой-культуристом, вышел из спальни Марии Петровны и сразу бросил:

– Там обстановка еще беднее. Кровать, тумбочка – и все. Ты, Гена, кажется, про драгоценности говорил... Но я даже мобильный не нашел. Выходит, не было у старушки мобильного...

Волошин покачал головой и сморщил римский нос.

– Это вряд ли, Паша. Ну, сам подумай: покойная работала в больнице. Горячее место, согласишься. У медсестер должны быть телефоны. Да и не только у медсестер. Скажи, у кого их сейчас нет. Впрочем, кое-что мы сейчас выясним, – он встал навстречу пожилой женщине, соседке покойной, и указал на стул с высокой потертой спинкой:

– Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

Женщина закатила глаза и скорее упала, чем села. По морщинистым щекам потекли крупные слезы.

– Значит, правда, что Машу убили, – тихо сказала она. – А я не верила...

– Почему же? – поинтересовался Волошин, и соседка горестно воскликнула:

– Да хороший она была человек. Всем помогала. И у кого только рука поднялась?

Геннадий придвинул к себе бумагу и посмотрел на женщину:

– Представьтесь, пожалуйста. Все, что вы сейчас мне скажете, будет записано.

– Федотова я, Лидия Ивановна, – пожилая дама быстро закивала: – Это хорошо, что ты запишешь. Надеюсь, мои показания помогут этого негодяя скорее к ответственности привлечь. Жаль, смертную казнь отменили...

Следователь распорядился принести Лидии Ивановне воды, а сам принялся тщательно записывать каждое слово.

Соседка действительно рассказала ему много интересного. Муж Марии Петровны умер молодым, лет в сорок с лишним, – инсульт. Женщина осталась одна с сыном-выпускником.

И ведь сумела дать ему образование, да еще какое... Миша поступил в высшую мореходку – он грезил о ней со школьной скамьи – и вот уже несколько лет ходил в рейсы капитаном. Кстати, сейчас сын тоже отсутствовал.

– Сын – капитан дальнего плавания, а мать жила в маленькой квартирке с допотопной мебелью, – заметил Виталий и фыркнул.

Это разозлило словоохотливую женщину.

– Эх, молодежь, молодежь, – горестно проговорила она, – ничего-то в этой жизни вы не понимаете. Вам бы только

оболочку красивую, – Лидия Ивановна перевела дух. – Да предлагал ей Миша переехать в другую квартиру с евроремонтом, а Маша упиралась: дескать, тут все родное, а там – нет. Тогда Мишка решил здесь евроремонт сделать, а Маша опять заартачилась.

– Я эти обои с твоим отцом клеила, царствие ему небесное. Гляжу вот на них и о нем вспоминаю... Ни за что не дам их со стены сорвать.

– Так и ушел сынок ни с чем. Кстати, из рейса он дорогие шмотки привозил, матери пытался норковую шубу подарить. Она и от нее отказалась. Дескать, Черноморск – город южный, морозы редкость, зачем ей шуба? Даже деньги у него не брала, утверждала, что ей хватает: и пенсия, и зарплата. Наташка-то этому радовалась.

– А кто такая Наташка? – вскинул голову Геннадий.

Лидия Ивановна хлопнула в ладоши и скривилась:

– Счастливые вы, что это стерву не знаете. Жenuшка это Мишина, невестка Машина. Такая стерва, что ни в сказке сказать, ни пером описать. – Женщина вдруг замерла, словно над чем-то раздумывая, и побледнела:

– Господи, – она прижала ладонь ко рту, – не Наташка ли ее убила?

– Да за что? – удивился следователь. – Судя по всему, эта Наталья не бедствовала. Муж в моря ходил, хорошие деньги зарабатывал.

– Да жадная Наташка, все бы заграбастала, – отмахнулась

Федотова. – Кстати, вспомнила: ругались они недавно. Я мимо двери Петровны проходила и ссору между ними слышала. Наташка все к Маше приставала, чтобы та какую-то вещь продала, даже голосила:

– Вы представляете, что он может передумать и не купить ее у вас за такие деньги? Ловите момент. Нам поможете дом загородный достроить.

Мария даже ногой топнула:

– Не будет этого никогда! Это память о моей матери.

А Наташка захохотала, да так громко:

– Тоже мне память!

Тут Маша ее стыдить начала: дескать, муж на тебя, бессовестную, работает, а ты давно ничего не делаешь, даже внуками не занимаешься. – Она вдруг покраснела. – Дальше я не слышала. Вы не думайте, я не подслушивала... Так получилось.

– Адрес этой Натальи знаете? – поинтересовался Геннадий, записав рассказ соседки.

– А знаю, – бодро ответила Лидия Ивановна и подбоченилась: – Ходили мы как-то к ней с Машей, моя подруга внуков на выходные к себе забирала. Улицу и дом не помню, но покажу.

– Скажите, а мобильный у вашей подруги был? – задал Волошин следующий вопрос.

Федотова с готовностью кивнула:

– А как же... Теперь без него никак нельзя, – она полезла

в карман цветастого фартука и выудила простой кнопочный аппарат. – Вот и номерок ее у меня забит.

Геннадий дотронулся рукой до макушки. Он всегда чувствовал, простое или сложное будет дело. Может быть, не сразу, но чувствовал. И сейчас, ощутив противную дрожь в коленях, проговорил:

– Значит, украли у нее телефон. Спрашивается, зачем? Чтобы мы не узнали, кто звонил ей накануне? – он усмехнулся. – Неужели эти люди не смотрят телевизор? Сейчас в любом сериале показывают, как полицейские требуют распечатку звонков. Глупо было это делать.

– Глупо, – согласился невесть откуда взявшийся Бочкин.

– А еще на груди вашей подруги мы нашли вот это, – Геннадий показал ей карту, немного пожелтевшую от времени. – Это вам ни о чем не говорит?

Соседка замотала головой:

– А о чем, простите, это мне может сказать? Маша картами не баловалась. Наверняка бандиты и обронили.

Геннадий вздохнул и переключился на оперативника:

– Виталя, поезжай с Лидией Ивановной и привези мне эту Наталью, невестку покойной.

Бочкин горестно вздохнул:

– Я так и знал, что мне достанется самая тяжелая работа.

В отличие от других оперативников из их отдела, Виталий, несмотря на широкие плечи и розовое приятное лицо с правильными чертами, почему-то безумно стеснялся

противоположного пола и по возможности напрашивался на другие задания. Впрочем, всегда находились охотники пообщаться с женщинами, выручавшие Бочкина и облегчавшие ему жизнь. Но сегодня все были заняты, и волей-неволей пришлось выполнять поручение следователя, и Виталий с горестной миной отправился с Федотовой за Натальей.

Глава 14

Хорезмские пески. 1362 г.

Поздняя осень иногда сыпала снегом, иногда поливала ледяным дождем, и кочевники, ежась в шатрах, которые Тимур приказал разбить на берегу почти высохшего соленого озерца, страдали от нехватки воды и пищи.

Продукты, прихваченные в дорогу, были съедены очень быстро. Ни Тимур, ни Хусейн не ограничивали своих людей в еде, о чем потом горько пожалели.

Как только закончились припасы, эмиры распорядились забить всех запасных лошадей. Когда съели и их, родственники собрались на совет, после которого велели своим нукерам отправиться на поиски отары овец, охраняемой одиноким пастухом, и силой пригнать животных в лагерь.

Ранним утром нукеры седлали коней и уходили за добычей. Однако верным псам Тимура не всегда удавалось захватывать коров и баранов. Иногда они попадали на хорошо охраняемые отары, и дородные пастухи с громким гиканьем и свистом гнали их по дороге до тех пор, пока всадники не отрывались от них на приличное расстояние.

Вот почему Хусейн и Тимур решили осторожно проник-

нуть в город и посетить базар.

Родственники отправились в путь, когда солнце едва позолотило горизонт, и беспрепятственно вошли в распахнутые городские ворота.

Несмотря на раннее время, Хорезм гудел, как потревоженный улей. По огромному базару, предлагавшему все – от фруктов до одежды, – расхаживали смуглые узбеки и туркмены.

Тимур подошел к желтобрюхим дыням, издававшим сладкий аромат, и постучал по одной указательным пальцем.

Худой горбоносый продавец посмотрел на него с презрением:

– Что тебе здесь нужно, оборванец? Если ты собрался украсть что-нибудь из моих товаров, я угощу тебя хорошими тумаками.

Сын Тарагая вспыхнул и хотел ударить торговца, но сдержал себя. Его истрепанная и грязная одежда действительно оставляла желать лучшего.

– Прости, что прикоснулся к твоим дыням, – проговорил он, не желая ничего покупать у этого наглеца.

Торговец дернул себя за смоляной ус и проводил эмира долгим взглядом.

Тимур не торопясь пошел вдоль рядов. Возле оружейной лавки он остановился. Юркий мастер любовно вытирал стальной клинок сабли, блестящий в лучах утреннего солн-

ца.

– Знатное оружие, – проговорил сын Тарагая. – Ты, видать, хороший мастер.

Узкие черные глаза торговца сверкнули:

– Я действительно хороший мастер, – отозвался он, – а ты кто? Дервиш? Хочешь сказать, что у тебя имеется звонкая монета, которой ты можешь заплатить за покупку?

Тимур опустил в карман обветренную руку и достал золотой:

– Как насчет этого?

Черные брови торговца взлетели вверх.

– Что же ты хочешь приобрести? – спросил он более миролюбиво.

Сын Тарагая показал ему жемчужину.

– Я хочу, чтобы ты выковал мне саблю и поместил вот это в ее рукоятку. Сделаешь?

Мастер взял жемчужину и внимательно ее рассмотрел.

– До тебя ни один человек не обращался ко мне с подобной просьбой. Но зачем тебе это нужно? Не морочь голову, выбирай любую из сабель.

– Обычная у меня есть, – улыбнулся Тимур. – Ну так что, сделаешь? Или тебе не под силу?

– Кто ты? – Пристальный взгляд мастера, казалось, прожигал насквозь. – Ты не обычный дервиш. – Он прищурился. – И слезка за тобой это подтверждает.

Эмир вздрогнул.

– Где же ты видишь слежку?

Торговец приблизил к нему вспотевшее лицо.

– Оглянись назад. Видишь высокого чернобородого человека в красном халате? Он не сводит с тебя глаз.

Эмир осторожно оглянулся. Незнакомец с длинной черной бородой действительно стоял возле лотка с рыбой. Эмиру показалось, что он уже где-то видел этого человека.

– Зачем я ему? – произнес Тимур с кажущимся безразличием.

Мастер дернул плечом:

– Тебе лучше знать.

– Мы еще вернемся к нашему разговору, – Тимур осторожно двинулся вдоль рядов, стараясь отыскать Хусейна и мучительно размышляя, где он видел чернобородого.

Вспомнив, эмир закусил губу. Чернобородый, или очень похожий на него, находился в свите Ильяса-Хожди и, несомненно, получил приказ отыскать беглецов. Нужно было немедленно покинуть город.

К счастью для Тимура, его брат не ушел далеко. Он торговался с пожилой женщиной, продававшей лепешки. Сын Тарагая схватил его за рукав:

– За нами следят, брат. Нужно немедленно уходить.

Хусейн растерянно заморгал:

– Зачем? Кто следит? Страх лишает тебя зрения.

– Осторожно обернись, – посоветовал родственник.

Хусейн послушно посмотрел через плечо. К черноборородому присоединился рыжий усатый великан. Теперь они оба не спускали глаз со своих жертв.

– Идем к воротам, – шепнул Тимур и медленно пошел между рядами, иногда останавливаясь и делая вид, что рассматривает ткани и продукты. Хусейн следовал за ним, стараясь не выказать страха. Когда они подошли к нищему, просившему подаяние, преследователи прибавили шаг.

– Бежим, – крикнул Хусейн и помчался к воротам, обогнав родственника.

Тимур бросился за ним. Стражники удивленно посмотрели на скуластых молодых людей в потрепанной одежде, но не преградили им путь.

Беглецы выбежали за ворота и вскочили на коней, которых оставили пастись возле города. Резвые кони рванули прочь. Краем глаза Тимур заметил, что преследователи растерянно смотрели им вслед, однако облегчения не почувствовал.

Родственники не сказали друг другу ни слова, пока не возвратились в лагерь. Оба спрыгнули с коней и подошли к костру, на котором женщины готовили пищу. В котле кипело какое-то варево. Два худых барана со свалывшейся шерстью поедали остатки пожухлой травы, и Тимур понял, что это сегодняшняя добыча его нукеров.

– Как думаешь, кто следил за нами? – поинтересовался он, грея у огня озябшие руки.

Хусейн пожал плечами.

– Не думаю, чтобы это были шакалы Ильяса-Ходжи, – проговорил он с сомнением. – Ты же слышал, что в городе набирают силу сербедары. Может быть, нас приняли за них.

– Тогда мы отделались малой кровью, – заметил Тимур, – но мне почему-то кажется, что все гораздо серьезнее. Я видел чернобородого в свите нашего врага. И это пугает, брат мой. Они напали на наш след, а значит, скоро появятся здесь. Ильяс-Ходжи и его отец знают, что с нами женщины и дети. Это делает нас уязвимыми.

Хусейн дотронулся до переносицы и покраснел. Он вспомнил, как Тимур предупредил его о том, чтобы он не брал с собой целый гарем. Но родственник его не послушал. Он любил женщин не меньше, чем деньги и еду, и не собирался расставаться ни с одной из своих наложниц хотя бы на время.

– Что же нам делать? – спросил он приглушенно, почти не разжимая узкие губы.

Тимур не отрывал глаз от костра. Он мог бесконечно смотреть на огонь и на вечно спешившую куда-то воду реки. Это помогало успокоиться, собраться с мыслями и принять верное решение.

– Детей и женщин нужно отправить в Самарканд, – наконец выдал он. – У Айгюль там живут родственники. Насколько мне известно, и у Ульджай они там тоже есть. А значит, приютят и весь твой гарем.

Хусейн шмыгнул носом и дернул себя за усы.

– Ты хорошо придумал, – похвалил он родственника. – Это уберезет нас от многих проблем.

– И мы сможем дать бой, если нас вынудят это сделать, – заявил Тимур, срывая сухую травинку и бросая ее в костер. – Иди к женищинам и объяви свое решение, а я оповещу об этом Айгюль и Ульджай. Нам нельзя медлить. Шакалы могут появиться здесь с минуты на минуту.

Сказав это, сын Тарагая направился к шатру, в котором жили его жены.

Айгюль сидела на циновке, пождав под себя ноги. Распущенные густые волосы водопадом струились по спине, и она расчесывала их черепаховым гребнем, который Тимур когда-то купил у заморских торговцев. Ульджай, что-то помешивая в тарелке, мурлыкала себе под нос. Обе склонились перед ним, когда он зашел.

– Нас с Хусейном выследили нукеры Ильяса-Хожди, – начал Тимур без предисловий. – Каравану угрожает опасность.

– Да, мой повелитель, – прошептала Айгюль, влюбленно глядя на широкое обветренное лицо мужа. – Ты прав.

Тимур поднял правую руку, призывая ее замолчать:

– Подожди, я еще не сказал, что хотел. Благодаря вам наш караван уязвим. Ильяс-Ходжи постарается атаковать как можно скорее, зная, что с нами женищины и дети. И посему я повелеваю вам уехать в Самарканд. Я знаю, у

вас обеих там родня. Думаю, они не откажут вам в крове. Как только мы оторвемся от шакалов ханского сына, сразу заберем вас и продолжим наш путь.

Старшая жена послушно наклонила голову:

– Я сделаю все, что ты мне скажешь, мой повелитель.

– Умница, – похвалил ее Тимур и обратился к Ульджай. – А ты почему молчишь? Твой брат поддерживает меня.

Красавица посмотрела на мужа, и ее тонкое узкое лицо побледнело.

– А я останусь с тобой, Тимур, – проговорила она решительно. – Никакая сила не заставит меня покинуть тебя, когда ты в опасности.

Эмир прерывисто задыхался, ноздри его широкого носа раздулись.

– Ты зря перечишь мне, женищина, – буркнул он. – Собирай вещи. Ты едешь с Айгюль, и это не оспаривается. Я сам прослежу, чтобы ты оказалась в телеге. И не советую тебе слушаться меня.

Ульджай сверкнула глазами и ничего не ответила. Тимур будто ощущал исходившее от нее негодование. Она знала, что ему и самому не хотелось с ней расставаться. Но из двух зол надо было выбрать наименьшее. Бой – если Ильяс-Ходжи настигнет беглецов – мог стоить жизни ему и его брату, но детей и женищин можно было спасти.

– Ты поняла меня, Ульджай? – спросил он, желая подтверждения ее покорности, и она ответила покорно, как хо-

тел супруг:

– Да, повелитель.

Тимур опустил глаза и откинул полог, собираясь выйти из шатра.

Айгюль засеменила за ним. На улице, заслоняясь рукой от холодного ветра, сразу вцепившегося в ее шикарные волосы, она спросила:

– Хочешь, я присмотрю за ней?

Он вздохнул и привлек женщину к себе. Жена уткнулась лицом в его широкую могучую грудь, пахнувшую степной травой, и подумала, что муж давно не проявлял к ней ласки. Конечно, ведь она уже не та молоденькая четырнадцатилетняя девчонка с упругой грудью и гладким, как наливное яблочко, личиком, которая приглянулась ему когда-то. Кочевая жизнь и роды состарили, иссушили ее тело, и Тимур привел Ульджай, юную, красивую, веселую. Она видела, как горели его глаза, когда он на нее смотрел... Но, как бы ни было ей больно, Айгюль не смела его осуждать. Тимур всегда относился с уважением к первой жене, в отличие от Хусейна, потерявшего счет наложницам.

– Я буду тебе очень благодарен, если ты сделаешь это. – Он поцеловал ее в лоб. – Надеюсь, ты понимаешь, что вам опасно здесь находиться. Вы не сможете в бою, только создадите проблемы.

Айгюль улыбнулась.

– Я всегда понимала тебя, Тимур, – проговорила она, от-

кидывая назад непослушную копну волос. – Даже тогда, когда ты женился на Ульджай.

– Вы одинаково дороги мне, – Тимур посмотрел куда-то в сторону и подумал, что Айгюль может уловить фальшивые нотки в его голосе. Он никого никогда не любил так, как сестру Хусейна. – И я не хочу потерять вас.

Она наклонила голову:

– Я постараюсь, чтобы ты не потерял нас.

Тимур чуть раздвинул уголки губ. Он знал, что Айгюль никогда не бросала слов на ветер.

Она тоже чуть улыбнулась своему повелителю и скрылась в шатре. Наутро женщины выехали в Самарканд.

Глава 15

Хорезмские пески. 1362 г.

– Как ты собираешься дать бой, Тимур? – Хусейн протирал клинок своей острой сабли. – Ты отправил несколько наших воинов с женищинами. С ними поехали и больные. Нас осталось только пятеро.

Друг понуро кивнул, вороша угли разгоравшегося костра:

– К сожалению, у меня не было выбора, брат. Ты сам посуди: Ерден и Арвай – хорошие воины, но они заболели и пока не способны воевать. А это значит, что они не должны тут оставаться. Я принял решение отправить их с женищинами. – Он присел на рогожу из камыша. – С нами остался Батар, он пока здоров, слава Аллаху.

– Но как пятеро бойцов смогут дать достойный отпор? – Хусейн сорвал сухой стебелек и растер его в сильных руках.

Тимур вздохнул:

– Не знаю, брат. Но чувствую, что когда-нибудь это придется сделать. Похоже, они выследили нас...

К ним подошел Батар, вытирая влажное после умывания лицо.

– Что решили?

– Будем сниматься с места, – Тимур с сожалением поглядел на крытый войлоком шатер. – Может, и хорошо, что нас пятеро. Пятерым легче спрятаться. Собирайтесь.

– Пойду передам остальным, – Батар зевнул. – Только Аллах знает, когда это все закончится.

Вскоре всадники уже седлали коней. Тимур потрепал своего гнедого по тонкой шее, сунул ногу в стремя и содрогнулся, услышав знакомый до боли женский крик:

– Подождите!

Он обернулся, боясь поверить своим ушам. К ним бежала растрепанная Ульджай и махала руками.

Хусейн, увидев сестру, скривился.

– Как она тут оказалась?

Запыхавшаяся, с распущенными волосами, в запыленном халате, молодая женщина бросилась в ноги своему повелителю.

– Помилуй меня, ради Аллаха!

Тимур положил руку на ее темные волосы:

– Зачем ты вернулась, Ульджай? Разве я не дал тебе понять, что здесь опасно находиться?

Она подняла на него серые глаза, полные боли и любви.

– Мое место там, где ты, мой повелитель. И если тебе суждено принять смерть, я разделю ее с тобой, потому что без тебя мне нет жизни.

Тимур вздохнул и огляделся. Во все стороны расстилались бескрайние пески. Кто мог знать, какие тайны они хра-

нили?

Ульджай продолжала цепляться за его ногу, и растрепанные волосы покрывалом стелились по спине.

– Хорошо, пойдешь с нами, – Тимур помог жене взобраться на коня, сам сел в седло, приказав женищине держаться за него, и покрепче.

Хусейн смерил сестру недовольным взглядом. Не прошло и полдня, а он уже тосковал по своему гарему, по женскому теплу.

Тимур сделал знак, и всадники тронулись с места.

Глава 16

Хорезмские пески. 1362 г.

Тимур приказал спешиться возле озера с мутной солоноватой водой, помог Ульджай спрыгнуть с коня и приказал:

– Поможешь Махмуду приготовить баранину. Есть хочется.

Женщина тряхнула черной гривой.

– Слушаю, мой повелитель.

Хмурый Махмуд начал торопливо разжигать костер, подбрасывая сухие былинки, а потом принялся разделявать тушу барана. Вскоре в котле закипело, забулькало, и стало теплее на душе. Голодные всадники подтянулись к огню, учуяв запах тушеного мяса.

– Может быть, тут и останемся? – поинтересовался Батар, обгладывая большую баранью косточку. – Тимур, прикажи разбить шатер.

Сын Тарагая сдвинул брови:

– Не знаю, Батар. Может, тут и останемся. Во всяком случае, переведем дух.

Нукер встал на цыпочки и вытянул жилистую шею.

– Ильяса-Ходжи пока не видать. Если Аллаху будет угод-

но, он отстанет от нас.

– Пока этого не произошло, – возразил приятель и подставил руки под струю воды из кувшина, который принесла Ульджай. – Но отдохнуть мы можем.

Батар расстелил циновки из камыша, воины улеглись на них и сразу засопели. Тимур тоже прилег на камышовое ложе, почувствовав, как теплые руки Ульджай обхватили его измученное тело.

– Хочешь, я согрею тебя, мой повелитель?

Сын Тарагая отстранил ее рукой:

– Подожди, не время для любви. Я говорил, что мы в опасности.

– Да какая опасность? Разве кто-то блуждает по степям и пескам, как мы? – она продолжала прижиматься к мужу, и он резко встал и застонал, почувствовав боль в затекших коленях.

Женщина посмотрела на него с укоризной, но Тимур, не обращая на нее внимания, захромал к маленькому холмику и вскарабкался на него.

С возвышения пустыня прекрасно просматривалась. На севере и юге все было спокойно, но с востока двигалось какое-то черное облако. Тимур не сразу разглядел, что это были люди, они казались маленькими, как муравьи, неуклонно приближаясь к месту их лагеря.

Сбежав с холмика быстрее молнии, эмир кинулся к Хусейну и стал трясти его за плечо:

– Вставай, брат.

Хусейн еле разомкнул глаза и заморгал:

– Что случилось?

– На нас надвигается войско! – голос Тимура сорвался на крик, и потревоженные нукеры зашевелились на циновках. – Нужно бежать!

Мужчины молниеносно свернули циновки и покрывала и вскочили на лошадей. Ульджай крепко вцепилась в своего повелителя, призывая на помощь Аллаха.

Однако всадники не успели проскакать и нескольких метров... Им вдогонку полетели стрелы, и одна поразила молодого воина, брата Ергена, сбросив его с коня на холодную землю.

Не прошло и пяти минут, как маленький отряд Тимура окружили смуглые черноволосые всадники. Один из них, в бараньей шапке, со смоляной бородой и такими же усами, гордо восседавшей на стройной белой лошади, приказал всем слезть с коней.

Тимур и его приближенные нехотя выполнили приказ чужака. А что им оставалось делать?

– Кого я вижу среди песков! – воскликнул чернобородый, гариця возле пленников. – Эмир Хусейн, эмир Тимур! А это ваши доблестные нукеры? – он подъехал к Ульджай, лицо которой было блее снега и резко контрастировало с черными волосами. – С вами женищина! Она-то что тут делает? Или это одна из ваших жен, которую вы не смогли ото-

рвать от себя? Я слышал, что ты, Хусейн, большой охотник до женщин.

Он расхохотался, и Тимур опустил голову. Он узнал туркмена Али-бека и его головорезов, и встреча с ними не сулила ничего хорошего.

Али-бек всегда подлизывался к Ильясу-Хожди и его отцу и был готов для них на все. А это означало одно: он обязательно предложит Ильясу выкупить пленников... А если тот прикажет их убить, сделает это без промедления.

– Ну что молчите? – усмехнулся чернобородый, и в воздухе засвистела нагайка. – Или вы не узнали меня?

Тимур резко бросил ему в лицо, раздувая ноздри и стараясь не выказывать беспокойства:

– Как же тебя не узнать, Али-бек?

Туркмен довольно расхохотался:

– А коли так, вы пойдете со мной, и я подумаю, что с вами делать. Вяжите их.

Нукеры Али-бека накинули на пленников веревки, закрепив их концы за седла лошадей.

Тимур нащупал пальцами жемчужину, мысленно благодаря Аллаха, что туркмены не стали их обыскивать. Наверное, они были уверены: у беглецов, кроме котла, циновок и пары бараньих туш, ничего не было.

– Что ты хочешь с нами сделать, Али-бек? – буркнул Тимур, натягивая веревку.

Чернобородый ослабился, показав желтые лошадиные

зубы.

– Для начала посидите в нашей тюрьме. А я тем временем пошлю гонцов к Ильясу-Ходжи. Знаешь, до меня донеслись слухи, что вы бежали. Ильяс-Ходжи всюду ищет вас. Думаю, он обрадуется, когда узнает, что вы у меня. Давно мечтал оказать ему услугу.

Тимур побагровел и подался вперед:

– Скажи, чего ты хочешь, Али-бек. Денег? Обещаю, мы с Хусейном заплатим тебе, сколько скажешь. Только дай нам время – и мы найдем деньги.

Чернобородый расхохотался, закачался в седле, и конь под ним заволновался.

– Где ты возьмешь деньги, оборванец? Посмотри на себя. – Он повернулся к своим нукерам. – Ведите их в деревню.

Воин-туркмен, такой же смуглый и чернобородый, как Али-бек, стукнул рукой по крупу лошади, к которой был привязан Хусейн, и кобыла послушно тронулась с места. Ее воронья грива развевалась на ветру. Родственник Тимура, смешно семеня связанными ногами, двинулся за ней. Еще четыре нукера последовали примеру своего товарища, и жалкий отряд Тимура поплелся в туркменскую деревню. Али-бек гарцевал на своем вороном, посмеиваясь над пленниками. Его гонец с донесением о пленении эмиров Хусейна и Тимура уже скакал к Ильясу-Ходжи.

Глава 17

Черноморск, наши дни

Наталья оказалась именно такой, какой описала ее Федотова и какой представлял ее Виталий.

Может быть, когда-то женщину можно было назвать красивой, но только это было давно. Дама раздалась в плечах и в талии, овальное лицо с правильными чертами поплыло вниз.

Посмотрев на нее, Бочкин подумал: он ни за что бы не сказал, что муж этой женщины ходил в моря, да еще капитаном, и привозил жене валюту. Рельефную фигуру облегалось платье из трикотажа, черного, в белую клеточку, продававшегося на каждом углу. Тапочки обветшали, сквозь прохудившуюся ткань проглядывали большие пальцы ног, но их владелицу это явно не беспокоило.

Виталий решил, что Наталья скупа до болезненности. Подумать только, муж – капитан дальнего плавания, привозит хорошую сумму в валюте, а она жалеет потратить на себя лишнюю копейку. Может быть, копит на загородную виллу в Европе?

Узнав, кто перед ней, и тщательно изучив удостоверение, невестка покойной не предложила войти, лишь буравила его

своими зелеными пронзительными глазами.

– И что вам надо, товарищ оперативник? – голос у нее оказался противный, квакающий.

– Может быть, мы все-таки пройдем в комнату? – Виталий постарался улыбнуться как можно вежливее. Дама явно не вызывала в нем теплых чувств. – Или мне придется отвезти вас в отделение.

Она дернула полным плечом, и отвисшая кожа на руках заволновалась, заколыхалась.

– Вот еще! Если мою свекруху убили, значит, это сделала я, больше некому... Так вы рассуждаете?

– Мне надо записать ваши показания. – Дама начинала до одури раздражать Бочкина, и он напрягся, стараясь не выйти из себя, не накричать. – А вы должны расписаться в протоколе.

Она немного подумала, пошевелила толстыми, крашенными крикливой алой помадой губами и посторонилась, давая ему дорогу.

– Ладно, заходите, раз уж пришли.

Наталья проводила его в гостиную, обставленную довольно скромно. О том, что хозяин этого дома бывает за границей, и довольно часто, напоминали лишь две бамбуковые картины с изображением парусников и ракушка в большой вазе. Мебель не отличалась дороговизной и роскошью. Бочкину показалось, что квартира имела какой-то заброшенный вид. Кроме того, здесь жила хозяйка, явно не тяготевавшая к

уборке. В углах бахромой висела паутина, немывтые стекла евроокон матово отсвечивали на солнце.

«Нет, все-таки она скупердяйка, – Виталий все больше укреплялся в этой мысли. – Если самой некогда, то могла бы пригласить кого-нибудь из клининговой фирмы».

Наталья указала ему на стул, а сама присела на диван.

– Спрашивайте, раз уж пришли. – Она наклонилась вперед, и платье натянулось на груди, еще больше подчеркивая пышные формы. – А можете сразу записать, что я ее не убивала? Я все подпишу, обещаю, – женщина хихикнула.

– Что-то у вас нет и тени сожаления, – заметил Виталий, глядя в ее зеленые глаза.

Она развела руками:

– Лгать не буду – нет. Всегда терпеть ее не могла. Как и она меня.

– Так и запишем, – констатировал качок. Женщина была ему неприятна до отвращения, вызывала тошноту, он резко поднялся и радостно сообщил: – Знаете, а проехать нам с вами все-таки придется. Только не в полицию, а на квартиру к вашей свекрови. Вы должны посмотреть, что пропало.

Она дернулась и побледнела.

– Вы не сказали, что ее ограбили...

– Не сказал, потому что мы этого не знаем, – улыбнулся Бочкин. – Пока не знаем. Надеемся узнать благодаря вам.

На его удивление, она привела себя в порядок довольно быстро – коснулась расческой пышных волос и скомандова-

ла:

– Пойдемте, чего время тянуть.

– Действительно, – согласился с ней Виталий, и они вышли из квартиры.

Глава 18

Деревня туркмен. 1362 г.

Под громкое улюлюканье детей и женщин пленников протасили по небольшой деревушке с круглыми тюркскими юртами, покрытыми войлоком. Полуголые детишки кидали в чужаков камнями, туркменки пронзительно голосили. Почтенные старцы, сидя на циновках, пили зеленый чай с чуреком и одобрительно глядели на воинов Али-бека.

Всадники погнали лошадей к глубоким ямам, закрытым сверху решетками, и бесцеремонно столкнули вниз. Хусейн, Тимур и Ульджай оказались в одной яме. Было темно и сыро, пахло мочой и человеческими экскрементами. Судя по всему, здесь редко убирали.

Ульджай от волнения захрустела пальцами, но ничем не выказала страха.

Тимур подошел к ней и обнял:

– Извини, но я тебя предупреждал. Ты знаешь, как я тебя люблю и как мне было тяжело расставаться с тобой. Я никогда не отпустил бы тебя, если бы не боялся за твою жизнь.

Девушка улыбнулась и прижалась к его могучей груди.

– Тебе не следовало просить прощения, – прошептала она. – А что касается моей жизни. Разве она не принадлежит тебе?

К горлу Тимура подступил ком, и он глотнул.

– Ты молодец, Ульджай, – голос его сорвался. – Ты очень мужественная женщина.

Она ничего не ответила. Сверху на головы пленников посыпались мелкие камни. Слабый луч солнца неожиданно выхватил из темноты лицо Али-бека, казалось, разрезанное решетками на квадраты.

– Как вы разместились? – пророкотал он, трясая бородой. – Что беспокоит?

Тимур сверкнул глазами:

– Здесь прекрасные условия, Али-бек. Мы и мечтать о таком не могли. Если ты прикажешь своим слугам накормить и напоить нас, мы вознесем о тебе молитву к Аллаху.

– Да будет так, – согласился Али-бек, дотрагиваясь до широкого носа. – Я распоряжусь.

– Что ты собираешься с нами делать? – крикнул Хусейн.

Чернобородый хихикнул:

– Я послал гонца к Ильясу. Мне почему-то кажется, что он сразу заплатит, чтобы поскорее забрать вас.

– А если он прикажет нас убить? – поинтересовался Хусейн, отмахнувшись от мух, норовивших сесть на его потное лицо.

Али-бек снова ухмыльнулся:

– Тогда я убью вас. Пойми, Хусейн, мне не хочется ссориться с Ильясом-Ходжи.

– Но мы могли бы найти деньги и заплатить тебе, – возразил Тимур. – А в случае нашей смерти ты ничего не получишь.

– Хорошего расположения Ильяса-Ходжи мне хватит, – буркнул Али-бек и поднялся. – Но я надеюсь, что он отблагодарит меня за такой подарок.

Послышались удалявшиеся шаги, и пленники опустили головы.

– Нам не выбраться отсюда. – Хусейн в отчаянии заломил руки.

Тимур нахмурился:

– Это мы еще посмотрим. – Он нащупал жемчужину в кармане халата и съел ее.

Никакая сила на свете не могла бы заставить его расстаться с ней – даже страх смерти. Холодная поверхность жемчужины неожиданно наполнила его уверенностью, что все будет хорошо, что им удастся выбраться из каменного мешка.

Он сгреб в ладонь несколько мелких камешков и выпустил их, глядя, как они скачут по земляному холодному полу.

– Мы выберемся отсюда, – твердо сказал Тимур. – Обязательно. Я что-то придумаю. А пока ложитесь отдыхать. Все равно больше нечего делать.

Хусейн с сестрой послушно прилегли на циновки, кишев-

шие насекомыми, а Тимур, усевшись в угол, принялся думать. Насекомые залезали под халат, больно кусали, резкий запах резал ноздри и глаза, выдавливал слезы, и сын Тарагая, прижав руку к сердцу, тихо произнес:

– Когда я выберусь отсюда и получу власть, клянусь Аллахом, я буду сам руководить судебным процессом, чтобы не осудить невиновных.

Сердце ударилось в ладонь, как испуганная птичка, и эмир вернулся к мыслям об освобождении. Как назло, в голову приходило только одно – выбраться отсюда ценой какого-нибудь немислимого поступка и постараться дать бой, хотя в их положении мечтать об этом было бы смешно.

Тимур встал и подошел к отверстию.

– Эй! – крикнул он, подзывая охранника, и тот не замедлил явиться:

– Чего звал?

– Как тебя зовут? – поинтересовался эмир, выдавив из себя улыбку.

Стражник скривился:

– А тебе зачем?

– Это секрет? – усмехнулся сын Тарагая.

Туркмен заморгал:

– Ну, допустим, Мехмет. Какая тебе разница?

– Значит, Мехмет, – удовлетворенно кивнул Тимур. – Скажи, Мехмет, ты богатый человек? Мне кажется, нет.

– Это не твое дело, – нахмурился охранник.

– Ты ошибаешься, – заверил его эмир. – Ты беден, как насекомые, которые сейчас кусают меня за ноги. Но это легко исправить. Допустим, я тот, кто сделает тебя богатым.

Охранник расхохотался, блеснув зубами.

– Сделаешь меня богатым? Каким же образом?

– Если ты поможешь мне выбраться отсюда, я озолочу тебя, – начал Тимур, стараясь говорить как можно убедительнее. – Главное – добраться до родного селения. У меня большая казна, Мехмет. Там есть звонкие золотые монеты и драгоценные камни.

– Предложи это нашему беку, – буркнул туркмен. – Он любит золото.

– Ваш бек не хочет ссориться с Ильясом-Ходжи, – пояснил сын Тарагая. – Его дружба ему важнее всего золота в мире. Но ведь ты – это другое. Ильясу-Ходжи нет никакого дела до каких-то охранников.

Мехмет замолчал. По-видимому, он колебался. Так хотелось думать Тимуру. Очень хотелось.

– Ну так что, Мехмет?

– Допустим, я принесу тебе меч, – проговорил охранник, как бы размышляя, – но, кроме меня, здесь есть другие охранники, есть и воины, в конце концов. Тебя убьют – что станет со мной? Меня тоже убьют, а у меня дети.

– Доверься мне, – попросил эмир, – и тогда останешься в живых. А потом я возьму тебя с собой и сделаю важным лицом в своей войске. Мне нужны хорошие люди. Ну что,

согласен?

Мехмет в растерянности кусал губы. Предложение Тимура казалось заманчивым. Он уже слышал об этом человеке и о его подвигах. Ходили слухи, что сын Тарагая всегда держал свое слово.

– Когда стемнеет, я принесу тебе меч, – решил охранник. – Но горе тебе, если ты нарушишь свое обещание.

– Слово Тимура, – торжественно произнес эмир и поднял руку.

Лицо охранника исчезло в надвигавшихся сумерках.

– Ты веришь, что он принесет тебе меч? – послышалось из угла, и Тимур понял, что Хусейн не спал и все это время прислушивался к диалогу.

– Разве мы не должны использовать все средства, чтобы выбраться отсюда? – спросил родственник.

Брат жены задумался:

– Может, и должны. Но то, что хочешь сделать ты, неосуществимо. Нас не выпустят отсюда.

– Посмотрим, – Тимур улегся на циновку и закрыл глаза.

На удивление, он быстро забылся сном, несмотря на укусы насекомых и резкий запах отходов, и ему приснилось, как он, грозный и великий хан, скачет по пустыне, готовясь к очередному сражению. Много народов уже поработчено, их владыки склонили перед ним головы, но Ильяс-Ходжи каким-то образом оставался цел и невредим. Этот бой должен был решить, кто из них станет самым великим.

Неожиданно подул сильный ветер, и Тимур перенесся в родной аул, в отцовскую юрту, так и не дав бой своему врагу. Он увидел себя молодым, девятнадцатилетним, лежащим в бреду на мокрых от пота подушках. Его бил озноб, лоб горел. А все потому, что безобидная ранка между пальцами вдруг покраснела, налилась гноем...

Лучшие врачи Кеши колдовали над сыном эмира, не давая благоприятных прогнозов, но все же он пошел на поправку. И тогда саид Куляль поделился своим очередным видением, утверждая, что Тимуру суждено покорить мир.

Сыну Тарагая до боли захотелось домой, в родные стены, и он, вздрогнув, проснулся.

Чернобородое лицо охранника, изрезанное десятками клещей, смотрело на него.

– Я принес тебе меч, Тимур, – сказал он и приподнял массивную решетку. – Держи.

Молодой человек на лету поймал тяжелое оружие и взвесил в руке.

– Спасибо тебе, Мехмет. Ты не пожалеешь.

Мехмет наклонился в яму.

– Давай помогу тебе выбраться. Но дальше на меня не рассчитывай. Если ты проиграешь, я ни в чем не признаюсь.

Он протянул руку, и Тимур, карабкаясь по склизкой замшелой стене тюремного колодца, оказался наверху.

От шороха и шума проснулись Хусейн и Ульджай и удивленно посмотрели на сына Тарагая. Брат жены хотел ска-

зять, что Тимур зря ввязался в это дело, но промолчал. Он привык доверять решениям своего родственника.

Выбравшись на поверхность, эмир положил руку на плечо Мехмета.

– Как найти юрту Али-бека?

– Пойдем. – Охранник двинулся по немощенной дороге и вскоре привел Тимура к большой тюркской юрте, покрытой войлоком, как и остальные.

– До свидания, Тимур, – он едва улыбнулся бывшему пленнику. – Надеюсь, ты выполнишь обещание, если одержишь победу.

Тимур ничего не ответил. Тихо, как кошка, он прокрался к входу и откинул полог.

Али-бек и его жена лежали на камышовых матрасах под шелковым одеялом. Беглец подцепил его острым концом меча и сорвал:

– Вставай, Али-бек.

Чернобородый туркмен вскочил, растерянно протирая глаза. На мгновение ему показалось, что он видит страшный сон, но Тимур кольнул его мечом.

– Я убью твою семью, если ты не освободишь меня и моих людей.

Али-бек не отрывал от противника тревожных черных глаз, и рука медленно потянулась к сабле, лежавшей возле матраса. Тимур обхватил его и приставил лезвие к горлу с синей пульсировавшей жилкой.

– Я предупредил тебя...

Чернобородый дернулся. Лезвие порезало нежную кожу, и кровь, казавшаяся черной в свете луны, потекла по шее. Проснулась жена, села на матрасе, попыталась заголотить, но супруг сделал ей знак, и она затихла.

– Ты понимаешь, что тебе не уйти? – спросил Али-бек, дрожа всем телом. – Мои воины схватят тебя... Я уверен, что и Ильяс-Ходжи уже мчит на своем боевом коне, чтобы забрать тебя к себе...

– Это мое дело, – Тимур еще крепче сжал могучее тело противника.

Али-бек тяжело дышал, не зная, как дальше действовать. Будто котенок, пискнул в углу кто-то из его детей, и туркмен решился:

– Хорошо, Тимур. Я отпускаю тебя и твоих людей на все четыре стороны. И хочу, чтобы ты знал: я очень уважаю тебя. Ты храбрый человек. Храбрый и умный. Только храброму и умному под силу выбраться из каменного мешка и захватить возжя. Тебя ждет большое будущее.

Эмир улыбнулся и отпустил врага. На подкашивающихся ногах Али-бек вышел из шатра и затрусил к тюрьме.

Через пять минут Тимур обнимал жену и Хусейна, а верные нукеры стояли возле него, с восторгом глядя на своего предводителя.

Из темноты вынырнул Мехмет:

– Ты обещал взять меня с собой, повелитель.

– И не отказываюсь, – Тимур привычным движением нащупал гладкую поверхность жемчужины. – Ты пойдешь с нами.

Хусейн выступил вперед:

– Куда мы пойдём, Тимур?

Эмир чуть раздвинул уголки губ.

– Я хочу свою армию, – признался он. – Хотя бы человек триста. Сегодня к нам присоединился один из них. Мы снова уйдем в пустыню и будем принимать в наш отряд всех желающих. Все, даже Али-бек, предсказывают мне великое будущее. Но я никогда не стану могущественным властителем, если не буду владеть землями. А их мне добровольно никто не отдаст. Верно, Хусейн?

Родственник с готовностью кивнул.

Позже он признался себе, что именно в этот момент в его душе зародилась зависть к удачливому брату. Хусейн сознавал, что был гораздо трусливее и слабее друга и сам ни за что бы не выбрался из плена, но все его существо противилось мысли о том, что когда-нибудь Тимур сядет на ханский трон.

В конце концов, кто он такой? Сын эмира? Ну и что с того, таких в Моголистане и Мавераннахре тысячи. А Хусейн – внук некогда могущественного хана. Если кто и заслуживает трон, то только он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.